

Признания в любви

Образ
чистой красоты

Помни. Эпохальные мемуары

Коко Шанель

**Признания в любви. «Образ
чистой красоты» (сборник)**

«Яуза»

УДК 82-94
ББК 84(2Рос)

Шанель К.

Признания в любви. «Образ чистой красоты» (сборник) /
К. Шанель — «Яуза», — (Помни. Эпохальные мемуары)

ДВА супербестселлера одним томом. Эпохальные признания величайших женщин XX века. Сокровенные и трогательные истории любви, разлук и поисков счастья, рассказанные ими самими. КОКО ШАНЕЛЬ навсегда изменила не просто моду, а стиль жизни и каноны прекрасного, сотворив настоящий культ элегантности и красоты, подарив женщине право быть естественной, желанной, женственной – самой собой. «Я не жалею ни о чем, что было в моей жизни. Жизнь не костюм, ее нельзя перекроить и сшить заново, поэтому всегда смотрите вперед, а не назад, и в любом возрасте живите тем, что будет!» ОДРИ ХЕПБЕРН не зря величали «прекрасным ангелом» – она была больше чем суперзвездой и «иконой» Голливуда, став воплощением идеала, внешнего и душевного совершенства, «образом чистой красоты». «Мне нужно многое вспомнить и многих поблагодарить. Я была счастлива и, прежде чем уйти, хочу еще раз мысленно прожить столько чудесных мгновений, чтобы отдать дань памяти всем, кто меня любил...» И хотя эти удивительные женщины были очень разными и по характеру, и по темпераменту, и по судьбе – их истории идеально дополняют друг друга: это поразительно светлые и позитивные книги, где нет ни жалоб, ни горечи, ни сведения счетов с обидчиками и беспощадным временем – лишь ПРИЗНАНИЯ В ЛЮБВИ к людям и жизни. «Я родилась с невероятным желанием любви и страстной потребностью дарить ее...»

УДК 82-94
ББК 84(2Рос)

© Шанель К.

© Яуза

Содержание

Одри Хепберн	7
Три месяца и целая жизнь	8
У всех есть детство	9
Бродвей и Голливуд...	18
От «Жижи» с Одри Хепберн»	25
«Римские каникулы»	30
Джеймс Хенсон	41
«Оскар», «Тони» и... множество проблем	47
Мел Феррер	55
«Война и мир»	62
«Забавная мордашка»	67
«История монахини»	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Одри Хепберн, Коко Шанель
Признания в любви.
«Образ чистой красоты»

© ООО «Яуза-пресс», 2015

Одри Хепберн Жизнь, рассказанная ею самой

Три месяца и целая жизнь

– Сколько мне осталось?

Я постаралась, чтобы голос звучал как можно спокойней, в конце концов, врач ни в чем не виноват, истерика бессмысленна, эту битву я проиграла.

– Не более трех месяцев. Сожалею, мы ничего не можем поделать... Четвертая стадия... Никто не может.

– Три месяца? Не слишком щедро, нужно поторопиться, чтобы успеть.

– Что успеть, мадам?

– Вспомнить всю свою жизнь, доктор. У меня была замечательная жизнь, я встречалась со столькими талантливыми людьми. Трех месяцев, чтобы с благодарностью подумать о каждом, пожалуй, маловато... Но если вы обещаете только три... не буду терять время.

Я от души улыбнулась. Ответная улыбка была кислой.

Мне действительно нужно многое вспомнить и многих мысленно поблагодарить.

Разве можно в последние часы не думать о своих сыновьях, о Робе, о друзьях, обо всех, ради кого много лет ездила по миру...

Я была счастлива и, прежде чем уйти, хочу еще раз мысленно прожить столько чудесных мгновений. Я успею это сделать, хотя три месяца для целой жизни ничтожно мало...

Операция оказалась бесполезной, она лишь ненадолго продлила мою жизнь, подарила немного времени, может, для того, чтобы я успела отдать дань всем, кто жил и любил меня, и всем, кто еще будет жить после моего ухода, надеюсь, здорово и счастливо.

У всех есть детство Только не у всех одинаковое...

Какие праздники люди любят больше всего? Дети, конечно, Рождество и свой день рождения. Я тоже. Став мамой, полюбила дни рождения своих обожаемых мальчиков.

Это был самый грустный день рождения в моей жизни.

Мама с отцом уехали, кажется, в Мюнхен, и я очень переживала, вернутся ли вовремя. Когда стало ясно, что нет, няня попыталась успокоить (лучше бы она этого не делала!):

– Просто их задержали важные дела. Взрослых часто задерживают дела. Они непременно пришлют тебе поздравление и подарок!

Я схватилась за эту спасительную мысль: конечно, конечно, их задержали дела, но родители обязательно пришлют мне весточку, ведь они меня любят, я знаю!

Утром никакого сообщения не было, няня снова успокоила:

– Одри, почтальон еще не приходил.

Кажется, я весь день просидела у окна в ожидании почты. Когда показалось, что почтальон идет, со всех ног бросилась к двери, чтобы открыть сразу, как только раздастся стук в нее, но...

– Он... прошел мимо?..

Няня уже осознала свою ошибку и теперь пыталась что-то исправить.

– Одри, может быть, письмо случайно положили не в тот ящик... может, просто что-то напутали на почте...

Я бросилась обуваться.

– Надо идти!

– Куда?

– На почту! Там должны разобраться.

– Имей терпение. Если письмо задержалось, его просто нужно дождаться, у почты много других писем. Ты же помнишь, что всегда говорит твоя мама: нужно думать прежде всего не о себе, а о других.

Это была правда, мама учила меня думать сначала о других. Я со вздохом согласилась:

– Да, наверное, у почты слишком много других, более важных писем...

О подарке речь уже не шла.

Письма так и не было, из-за дел в Мюнхене родители просто забыли о моем дне рождения, но я предпочитала думать, что письмо затерялось.

Всю ночь я пролежала без сна, пытаюсь понять, чем я могла их так рассердить, что они забыли о своей дочери. Я уже не лазила по деревьям вместе с братьями (просто потому, что они уехали учиться), не таскала из колясок чужих младенцев, чтобы покачать их на руках, не тащила в дом каждого встречного котенка или щенка, не приставала к собакам в попытке погладить, не тискала до бессознательного состояния своего кролика, таким образом выражая ему свою любовь... Я уже была хорошей, послушной девочкой, но что-то все равно не так, если я маме с папой не нужна.

Стало страшно, очень страшно: а что, если я не нужна совсем?!

– А вдруг родители не вернутся?

– Что ты говоришь? Как они могут не вернуться?

– Что, если они не захотят возвращаться к непослушной девочке?

– Одри, я завтра же отправлю им письмо с сообщением, что ты стала очень послушной.

– Напиши, пожалуйста! Напиши!

Едва разлепив глаза на следующее утро, пристала к няне:

– Написала?

Родители приехали, но даже упоминания о забытом поздравлении не было, я сразу поняла, что что-то не так, они почти не разговаривали друг с другом. И что случилось, тоже не рассказывали.

Когда отец вдруг ушел, мне было всего шесть. Это случилось довольно скоро после того самого несчастлившего дня рождения.

Конечно, я понятия не имела, куда и зачем родители ездили, политические игры не для шестилетних девочек, я знала одно: мама и папа забыли о моем дне рождения, а еще, что после возвращения ссоры в нашем доме стали постоянными. Теперь я уже не сидела под обеденным столом во время скандалов, как раньше, потому что слышать крики родителей была не в состоянии, я стала убегать и прятаться, закрыв уши.

Делать это пришлось недолго. Однажды папа ушел. Он кричал, что так жить не может, мама отвечала тем же. Я не понимала слов «альфонс» и «подлец», но понимала, что это очень плохо, и знала только одно: мама тоже не хотела, чтобы он уходил, ругала папу, но не хотела!

– Папа, не уходи! Папа, я люблю тебя!

Он даже не оглянулся, ему было все равно.

Мама коротко приказала:

– Прекрати унижаться!

Я замолчала, хотя слезы все равно текли ручьем.

– Я... я просто не хотела, чтобы он уходил. Я хочу, чтобы он любил нас.

– Любовь нельзя вымалывать, она либо есть, либо нет.

И я, шестилетняя, поняла и навсегда запомнила – любовь не выпрашивают, это подарок небес, которого может и не случиться.

Через много лет я поняла и то, почему родители ссорились, и куда ездили, и в чем мама обвиняла отца. Однажды во время оккупации она резко бросила в сторону колонны оккупационных войск, марширующих по городу:

– Вот с кем дружит твой отец!

Сказала и забыла, а я никак не могла поверить: папа и фашисты?! Нет, этого не могло быть!

Ты скрывала все много лет, в том числе и собственное сотрудничество с Британским союзом фашистов – организацией Освальда Мосли, хотя быстро сумела с ними порвать. Это «дно» ты имела в виду, мама? Именно туда попал в конце концов отец? Когда я задала ему такой вопрос после войны в Дублине, он не ответил. Ты научила меня скрывать прошлое, хотя в моем не было ничего предосудительного, разве я виновата, что, когда мне было шесть, родители ездили в Мюнхен, чтобы пообедать с Гитлером? Не наедине, в числе большой компании сторонников Британского союза фашистов, но ведь с Гитлером!

Ты права, одно лишь подозрение, что родители могли в таком союзе состоять, испортило бы мою жизнь.

Я не осуждаю, наверное, для вас нашлось что-то притягательное в идеях Мосли и союза, я знаю другое: во время оккупации ты активно помогала Сопротивлению.

Но тогда, в 1935 году, мне было все равно, кому вы сочувствуете, я страдала. Папа уехал и не обещал вернуться, как делал раньше, а ты много плакала, скрывая свои слезы от всех. Как мне хотелось стать такой же сильной, научиться делать вид, что неприятностей просто не существует, но у меня не получалось.

Я уже знала, что отец ушел не из-за меня, но переживала, что не могла его удержать.

– Папа, не уходи!

Но он ушел. И вот тогда я испугалась, что уйти можешь и ты тоже, а я останусь совсем одна в этой жизни!

Это невысказанно страшно для шести лет – испугаться, что останешься одна! Надо мной смеялись, говорили, что я к тебе приклеена. Это действительно было так, но на сей раз ты не сердилась и даже не возражала. Мы жили, словно чувствуя свою вину друг перед дружкой. Я боялась хоть в чем-то перед тобой провиниться, а ты старалась научить меня как можно большему, а еще воспитать устойчивость к любым жизненным ситуациям.

Мама научила меня всему – рисовать и читать, любить книги и быть старательной, сдерживать эмоции и думать прежде о других, а потом о себе, научила быть доброжелательной даже тогда, когда хочется быть волком, научила трудиться, а еще – не сдаваться и не опускать руки.

Сейчас я понимаю, что самым тяжелым для нее было уберечь меня от разочарования в отце. Мама не хотела, чтобы я считала себя дочерью фашиста или никчемного человека, а потому предпочитала казаться жестокой и несправедливой в моих глазах, только чтобы не допустить меня к тесному общению с отцом. Она догадывалась, что я ему не нужна, что получу страшную травму, если попытаюсь его разыскать?

– Я хочу найти в Англии отца...

– Зачем?

– Но ведь он мой папа...

– Одри, у Джозефа может уже быть другая семья, и им не понравится появление его дочери.

Это горько, очень горько – сознавать, что отец мог забыть обо мне только потому, что у него новая семья. Они еще не были разведены, но я знала, что вторые семьи бывают и у женатых мужчин.

– Я не буду мешать этой семье, я не приду к ним в дом. Я просто хочу, чтобы папа навещал меня.

– Не думаю, что это хорошая мысль.

Мне казалось, она так говорит из ревности, а мама просто старалась оградить меня от еще большего разочарования, если отец не станет видаться со мной часто. Так и произошло, но я все равно разыскала его, и от огорчения уберечь меня не удалось.

Перед самым началом Второй мировой войны мама вдруг забрала меня из пансиона, вернула домой моих братьев Александра и Яна и перевезла всех в Голландию, в Арнем, неподалеку от которого было имение дедушки – Вельпе. Этот переезд, пожалуй, определил наши судьбы. Иногда я думала, что было бы, переберись мы все вместе в Англию. Но тогда казалось, что Англия – главная цель для Германии, ей достанется больше всего. Нейтральной Голландии, находившейся под боком у воинственной Германии, но тесно связанной с ней тысячами кровных уз, множеством работавших там людей, бояться нечего.

Я никогда, и став совсем взрослой, даже мысленно не обвиняла маму в этом переезде. Во-первых, никто не мог знать, что немцы захватят нейтральную Голландию, во-вторых, ожидать, что она падет через пять дней. Но главное, кто в 1940 году мог ожидать ужас голода 1944 года? Германия жила хорошо, никто не думал, что оккупанты превратят нашу жизнь в настоящий ужас.

Книга Трумена Капоте «Завтрак у Тиффани» начинается с фразы «Меня всегда тянет к тем местам, где я когда-то жил, к домам, к улицам».

А меня тянет? Пожалуй, да.

Но есть места особенно дорогие – те, где мы боролись не только за радость и благополучие, а и за саму жизнь.

В Арнеме мне очень понравилось. Я помнила мамины рассказы о большом родительском доме, о красоте самого города, о том, какие там замечательные парки и фонтаны... Меня больше привлекали театры и концертные залы, к тому же было обещано, что я буду учиться танцу в Арнемской консерватории. Дом действительно оказался большим и красивым, а родственники добрыми. Особенно я любила дядю Уильяма, добрейшей души человека. За те недолгие месяцы, которые прожила с ним рядом, дядя на всю жизнь привил мне ненависть не просто к войне, а к насилию.

В тишине и спокойствии прошли полгода, и только в мае стало ясно, что война не где-то там, а прямо в Арнеме.

Детство закончилось вдруг под грохот танков на тихих улицах Арнема.

Война научила меня многому, хотя куда лучше было бы учиться в мирной жизни.

Немцы очень быстро смогли справиться с Голландией, меньше пяти дней длились военные действия, после того как был разбомблен и сожжен Роттердам, Голландия капитулировала, а королева и правительство улетели в Англию. Они улетели, а мы остались...

Мама пришла в мою комнату рано утром, резким движением отдернула шторы и почти приказала:

– Вставай! Началась война!

Я хотела спросить: «А разве она уже не идет?», но услышала металлический лязг с улицы и поняла, что теперь война пришла на улицы города.

Но ребенку в одиннадцать лет трудно до конца осознать, что несет появление на улицах города солдат в чужой форме и с оружием. Кажется, даже страшно в первые дни не было, скорее любопытно.

Довольно скоро любопытство сменилось опасением. Нас выселили из своих комнат в пристройку для прислуги, мама сказала, что это еще хорошо, могли бы оставить просто на улице. С этих слов началась моя учеба, странная учеба – я училась новой жизни, вернее, училась выживать в любых условиях, училась тому, что в мире есть несправедливость куда страшней ухода отца из дома. Эта несправедливость касалась самой возможности жить, потому что очень скоро стало ясно, что за любое сопротивление следует жестокое наказание. Пока ты подчиняешься и принимаешь все с покорно опущенной головой, у тебя есть шанс уцелеть, если, конечно, не попадешь в облаву или заложники, которые своими жизнями расплачиваются за какой-то акт возмездия.

Когда я осознала, что выжить можно, только притаившись, как мышка в норке, стало страшно – а вдруг это на всю жизнь? Помнишь, я задала тебе такой вопрос, мол, как надолго немцы в городе? Ты заволновалась, попросила не только не спрашивать, но и не думать об этом, чтобы случайно не проболтаться.

Вот тогда я испугалась по-настоящему. Даже потом, когда относилась передачу английскому летчику, что прятался в лесу, и попалась немецкому патрулю, так не боялась. Может, просто не успела испугаться, присела перед немцами, словно изображая балетный поклон, протянула собранные в лесу цветы и пошла дальше на негнущихся ногах...

А после такой просьбы стало страшно, потому что даже мама, такая решительная, всегда презиравшая неприятности, теперь не могла их не замечать. Это означало, что неприятности слишком велики и надолго. Кажется, я подумала: «Только бы не навсегда!» Никто не мог ответить, так это или нет.

К жизни в униженном положении привыкнуть нельзя, пока ты человек, ты будешь сопротивляться, если только привыкнешь, превратишься в животное. Но даже гордое животное не позволит себя унижать. И привыкнуть к тому, что нужно время от времени сдавать отпечатки пальцев, что тебя, как преступницу, фотографируют в фас и в профиль, что нужно то и дело менять удостоверения личности, получать карточки на питание... невозможно. Мы хотели жить свободно, спокойно ходить по улицам, не боясь окрика военных или полиции, покупать

продукты, на какие хватит заработанных денег, не бояться пригласить гостей в дом и не занавешивать как можно плотней окна, чтобы свет не пробивался на улицу.

А многие хотели просто жить, но у них отняли и эту возможность.

Мама не виновата, что мне пришлось пройти вот такую школу, она сама проходила эту страшную школу вместе со мной.

Зато после войны могли смело смотреть в глаза остальным, потому что помогали Сопротивлению, потому что были как все.

Для меня самой трудной в первые месяцы оккупации, пока еще не стало совсем уж голодно и я еще могла брать уроки танцев, оказалась необходимость скрывать, что я имею английские документы, что у меня английское имя и отец в Англии. Тогда я стала вместо Одри Эддой и вынуждена разговаривать только по-нидерландски.

Это неправильно, когда человек, не сделавший ничего плохого и ни в чем не виноватый, должен скрывать свое происхождение, свое имя, свое прошлое. В Арнеме я должна была скрывать от немцев, что у меня отец англичанин, после войны – что отец состоял в Союзе фашистов, что он был из-за этого в тюрьме... Разве я в этом виновата?

Почему люди так несправедливы друг к другу? Я знала столько хороших людей в Арнеме, вся вина которых состояла только в том, что они евреи. В нашем классе девочка-еврейка вместе с родителями попала в концлагерь. Мой дядя Уильям погиб, потому что оказался в числе заложников, которых расстреляли за убийство нескольких военных немцев. Брат попал в концлагерь, потому что угодил под облаву и попробовал бежать...

Но в то же время отец сидел в лагере в Англии только за сочувствие идеям нацистов, он ничего не сделал, но поддерживал Союз фашистов.

Останься я в Англии с отцом или мама вместе с Яном и Александром с нами, наверняка мы бы все также сидели в лагере. И хотя брат говорил, что лучше сидеть в английском лагере, чем в немецком, я думаю, что нигде не лучше.

Это после войны стало ясно, кто враг, а кто герой, а в самом начале войны Европа просто запуталась, с кем воевать – с Гитлером или со Сталиным. Но труднее всего оказалось детям, не виноватым во взрослых играх в политику. Через много лет я еще раз убедилась, что, когда взрослые воюют, страдают больше не они, даже не те, кто ранен, а именно дети.

Но даже во время оккупации мы оставались детьми, нам хотелось жить и радоваться жизни.

Чтобы случайно не выдать свой английский, я старалась как можно меньше разговаривать, зато как можно больше танцевать. Первые годы это получалось, пока на танцы хватало сил.

День за днем, месяц за месяцем мы выживали. Усиливалось сопротивление фашистам, в ответ усиливались репрессии, участились расстрелы, все меньше продуктов выдавали по карточкам, все больше становилось запретов. Мы, дети, не всегда серьезно воспринимали опасность, смертельную опасность. Не помню, чтобы было очень страшно, когда под стельку моей туфельки вкладывали записку с сообщением, а я часами играла на улице, дожидаясь, когда ее заберет связной. Игра, не больше. Но позже, уже имея собственных мальчиков, я задумалась, каково же было маме, прекрасно понимавшей, какой она подвергает опасности меня! Каково это матери, знающей, что один сын пропал без вести, уйдя на войну (потом брат вернулся, побывав в плену), второй чудом избежал расстрела, но увезен на работу в Германию, а дочь носится по Арнему с записками для бойцов Сопротивления или разыскивает в лесу сбитого английского летчика, рискуя жизнью!

Для нас, детей, участие в Сопротивлении было скорее своеобразной игрой, конечно, мы понимали, что это опасно, но вряд ли осознавали всю серьезность этой «игры». Просто по Арнему носилась компания подростков, выполняющая роль связных. Главным было не раздра-

жать немцев и не казаться взрослее, чтобы не отправили на работы или в лагерь. Так попался при облаве мой брат и чудом выжил на принудительной работе в Германии.

Страшно стало, когда стали расстреливать участников Соппротивления за пущенные под откос поезда, а в городе начались облавы.

Потом ко всему добавился голод, фашисты, разозлившись на забастовки железнодорожников, запретили подвоз продовольствия гражданским лицам. Конечно, мы ходили за продуктами в соседние деревни, меняя вещи на еду, но, во-первых, это было очень опасно, во-вторых, вещей тоже почти не осталось, менять оказалось просто нечего. Я помню свои распухшие от недоедания и малокровия ноги... На таких колодах не потанцуешь, а ведь именно приработок обучением танцам был нашим единственным источником дохода.

Голод зимы 1944 года в Голландии вошел во все учебники по истории, но нам пришлось изучать этот ужас на собственном опыте. Моя худоба оттуда – из голодного 1944-го. Кушать один раз в день похлебку, сваренную из луковиц тюльпанов, а чтобы заглушить чувство голода, лучше побольше спать... Но я нашла еще один способ: приучила себя к мысли, что еда – это что-то не слишком приятное, потому ее нужно совсем немного, буквально чуть-чуть, только чтобы не умереть. У меня получилось, мне и по сей день еды нужно чуть-чуть... только чтобы не умереть...

А сейчас не нужно вовсе, потому что после операции у меня просто нет кишечника и жизнь сохраняют лишь инъекции. Представляете человека, которому совсем не нужно садиться за стол, брать в руки вилку или ложку, жевать, глотать?..

Но тогда мой организм настойчиво требовал еды, потому что мне было четырнадцать и я росла. Представляю, какие чувства испытывала мама и тысячи таких же матерей, которые не могли дать своим растущим детям ни крошки, ни ложки супа, ни глотка молока! Тяжело, когда нечего есть самим, но куда страшнее, если нечем накормить детей.

Мама выдержала все, хотя седых волос на ее голове за время оккупации прибавилось. Невозможно не поседеть, когда у тебя на глазах расстреливают брата, кузена и еще знакомых, а сына увозят в Германию. Невозможно не переживать, если ушедшая за продуктами дочь не возвращается длительное время, и это тогда, когда с неба сыплются снаряды, потому что тихий, спокойный до войны Арнем стал местом проведения операции союзников, а немцы оказали сильнейшее сопротивление.

Это действительно был ужасный поход. Посреди зимы нас просто выкинули уже не из домов, а из самого города, немцев мало заботило, куда денутся женщины с детьми без еды и крыши над головой. Наша семья ушла в Вельпе, где стоял большой дедушкин дом. Крыша над головой нашлась, но под этой крышей было холодно и совсем нечего есть. Вот тогда и родилась мысль сходить в безлюдный Арнем за едой.

В нашем арнемском доме остался мешочек с сухариками, который держали на самый крайний случай и в спешке ночных сборов, когда немцы приказали всем горожанам покинуть Арнем немедленно, дав на сборы несколько часов, забыли. Мы запихивали в рюкзаки и чемоданы все, что только могли унести, но довольно быстро поняли, что почти ничего не сможем, потому что все едва держались на ногах от недоедания.

Когда в Вельпе было съедено все, вплоть до луковиц тюльпанов, оставленных зимовать в подвале, мы вдруг вспомнили о тех сухариках, и я уговорила отпустить меня в Арнем. Казалось, ну что опасного в том, что я схожу в пустой город?

Конечно, опасно, очень опасно, даже не только из-за немцев, но и просто из-за одичавших собак и голодных людей. Но хуже всего, что можно было попасть на строительство укреплений, куда немцы сгоняли всех, попавшихся патрулям. Едва ли я выдержала бы работы лопатой... Но главное – я должна принести родным немного еды, которую удалось разыскать!

Банки с сухарями не было, я не знала, кто и когда забрал ее, но в разбитой булочной мне удалось обнаружить две большие, хотя и совершенно засохшие булочки и несколько яблок. А вот вернуться в Вельпе удалось не сразу. К счастью, я заметила патруль раньше, чем они меня, и юркнула в подъезд, вернее, то, что от него осталось, потому что сам дом был разрушен.

Я была настолько худой, что, наверное, могла бы спрятаться просто в щель, толстыми и распухшими оставались только ноги, они временами просто не желали подчиняться. И все же патруль мог обнаружить меня, пришлось спуститься в подвал. Это был удачный и неудачный ход, потому что немцы Арнем совсем не покинули, и в соседнем доме расположился какой-то их отряд. Я затаилась надолго...

Откуда желтуха? Это крысы, им тоже хотелось есть, но я не могла отдать свое сокровище, и мы не поладили. Крысы вблизи вовсе не такие уж страшные, правда, пока не покажут зубы... С тех пор я не могу в цирке смотреть номера с мышами или крысами, кажется, что они вот-вот бросятся на дрессировщицу и вцепятся ей в руку.

Крысы заставили меня покинуть убежище, и это хорошо, потому что сидеть там слишком долго тоже опасно, я просто теряла силы и могла не осилить обратный путь.

Помню ужас в маминых глазах, но мне уже было все равно, и только увидев ее руку рядом со своей, поняла, что стала желтой... Наверное, я довольно долго сидела в этом подвале, если даже успела пожелтеть после укуса настырной крысы. Но булочки и яблоки им не отдала, чем очень гордилась.

Вряд ли они спасли нашу семью, но тут союзники начали сбрасывать продовольствие с самолетов, чтобы оставшиеся в живых не умерли с голоду, к тому же наступила весна. А потом пришли англичане...

У меня освобождение связано со вкусом сгущенного молока, которое можно было есть ложками! Наверное, не одной мне банки с молоком казались сказкой...

В 1959 году, когда я снималась в «Войне и мире», вдруг позвонил Джордж Стивенс. Его предложение меня откровенно... испугало. Казалось бы, чего бояться, если я уже имела «Оскара», известность и, как я считала тогда, крепкий тыл?

Стивенс имел двух «Оскаров» за режиссуру, но испугалась я не его звездности. Джордж предложил мне сыграть... Анну Франк! Моя реакция была мгновенной:

– Нет!

– Почему? Вам же многое так хорошо знакомо и даже близко...

– Именно поэтому.

Но Стивенс настаивал, и позже тоже, словно поклялся сам себе или кому-то заполучить меня на эту роль. Я отказывалась...

Анну Франк в фильме прекрасно сыграла Милли Перкинс.

Я надеюсь, что Джордж Стивенс не обиделся на меня, хотя больше мне ничего не предлагал. Но я действительно не могла играть Анну Франк, потому что это значило бы снова вернуться в страшные годы оккупации, которые я так старалась забыть.

Я читала этот дневник, когда тот книгой еще не был. В 1945 году нам его принес в виде отдельных печатных листов мамин друг Пауль Рюкенс. От него я впервые узнала об Анне Франк.

Пауль Рюкенс удивительный человек, стойкий, мужественный, добрый... Он сумел победить полиомиелит и всегда говорил мне, что либо ты одолеешь болезнь, либо она тебя. Сейчас, когда мне становится совсем плохо, я со вздохом говорю себе, что моя болезнь одолевает меня. Но пока я не сдалась, я жива и даже способна вспоминать...

Пауль Рюкенс стал нашим с мамой покровителем после войны, без него мы едва ли смогли бы выкарабкаться из нищеты и болезней сначала в Амстердаме, а потом в Лондоне.

Этот человек фактически заменил мне отца, я благодарна ему за помощь и поддержку, а также за пример мужества.

Анна Франк – еврейская девочка, которой пришлось вместе с родственниками долго скрываться на чердаке, который они называли Убежищем, чтобы не попасть в концлагерь. И все же их выдали... Дневник Анны Франк, потрясающее свидетельство тринадцатилетней девочки, описывающей не ужасы войны или бомбардировок, а мучения людей, запертых в небольшом пространстве и не ведающих, как это надолго. Яркий пример того, что голод и холод не самые страшные мучения, куда тяжелее безысходность и отсутствие хоть какой-то перспективы.

Мне во время войны было столько же, сколько Анне Франк, я тоже жила в Голландии, только не сидела взаперти, но многое могла прочувствовать сама. Именно потому отказалась играть это на съемочной площадке, невозможно окунуться еще раз в ужас 1944 года. Стивенс был настойчив, он даже привез ко мне отца Анны Франк – единственного чудом выжившего в концлагере из их большой семьи, прятавшейся в Убежище. И все равно я не смогла.

Как же хотелось освободиться от груза тех страшных лет! Но стать балериной мне было не суждено, хотя мы с мамой сделали для этого все возможное. Мне помогали многие добрые люди. В Амстердаме, куда мы вынуждены переехать после войны, потому что дома в Арнеме больше не существовало, я училась танцевать (как только силы позволили делать это) у Сони Гаскелл, замечательной балерины и преподавательницы танцев. Она хвалила мое упорство, отдавала должное моим стараниям, хотя никогда не обещала, что я стану великой балериной. А мне так хотелось танцевать, как Мари Фонтен, которую я видела перед самым началом войны.

Однако жить в Амстердаме было трудно, и Гаскелл решила перебраться в Париж. Мы поехать туда просто не смогли бы, выжить в послевоенной Европе вообще трудно, а без помощи родственников и знакомых почти невозможно. Выход нашелся на удивление простой: Соня Гаскелл рекомендовала меня своей приятельнице мадам Рамбер, у которой была знаменитая школа танца в Лондоне. В Лондоне у Пауля Рюкенса была квартира, то есть крыша над головой, в Лондоне были знакомые, мы решили ехать туда.

Мадам Рамбер приняла меня исключительно по просьбе Сони Гаскелл, она не скрывала своего мнения: слишком высокая, слишком тощая, слишком неразвита для таких лет. Я обещала заниматься с утра до вечера, чтобы догнать остальных, и действительно делала это, но природу не изменишь. Мадам Рамбер была резка и откровенна, за что я ей благодарна, потому что, пожалей она меня тогда, я стала бы заштатной балериной, но точно не стала бы актрисой.

– Не стоит продолжать занятия, из тебя не получится Мари Фонтен, не дано. Мешают не только высокий рост и худоба, нет данных.

– Но я так люблю танцевать...

– Разве я сказала, что нельзя танцевать? Отнюдь, ты хорошая танцовщица, но не балерина. Танцевать ты будешь и уже можешь, но в кордебалете, а я артистов кордебалета не обучаю, не хочу тратить время. Для кабаре того, что ты умеешь, достаточно. Прямой тебе не стать никогда.

Жестко и честно, но балет не то искусство, в котором можно надеяться, что со временем что-то получится. Балет не терпит потери времени, если не получилось до шестнадцати, лучше действительно не тратить время. Поздно... слишком высока (у меня был рост 170 см) ... С мечтой о балетных премьерах пришлось распрощаться, но танцевать я действительно продолжила. Во-первых, не умела ничего другого, во-вторых, надо на что-то жить, не могли же мы с мамой вечно сидеть на шее у Пауля Рюкенса. Нет, мама работала, со временем она даже нашла весьма стоящее занятие – разрабатывала интерьеры для ресторанов, рекламных буклетов, даже квартир. Я тоже старалась подрабатывать, фотографируясь в рекламе шляпок, переводя документы для туристической фирмы, берясь за любую доступную работу.

И все же я очень хотела танцевать, а потому пошла в кордебалет мюзикла. Именно там мы встретились с Кей Кендалл, броской, очень энергичной и временами просто сумасшедшей девушкой. Именно Кей я вспоминала, играя Холи Голайтли в «Завтраке у Тиффани». Казалось, Трумен Капоте списал свою героиню именно с Кендалл (я даже однажды поинтересовалась у Капоте, не знаком ли он с Кей). Мы танцевали и танцевали, пока я не дотанцевалась до крошечных ролей в кино.

Так, не начавшись, закончилась моя карьера примы-балерины и началась артистическая, приведшая на экран. Конечно, никто не предлагал мне ролей с Кларком Гейблом или Генри Купером, но оказалось, что это пока. Пока не предлагал... Я бралась за любые роли, любую работу, только чтобы она не была связана с раздеванием или чем-то подобным. Сейчас мне смешно, потому что никому не могло прийти в голову предлагать раздеться существу скелету, а для ролей узников Освенцима кандидаток хватало и без меня.

Но надежней худобы от грязных предложений меня спасало мамино строгое воспитание. Баронесса Элла ван Хеестра точно знала, что можно и чего нельзя воспитанной леди. Я так благодарна маме за свое воспитание, пусть оно и было иногда слишком строгим и даже суровым. Рассказывая Робу о своем детстве и юности, я говорила, что меня воспитали мама и война, и еще неизвестно, кто строже.

Удивительно устроена человеческая память, она очень избирательна. И дело не в том, что она старается хранить только хорошее, моя вообще хранит все выборочно.

Перечитав написанное, удивилась – неужели я так хорошо помню каждую фразу из давным-давно произнесенного или услышанного, ведь это не заученный текст роли.

Конечно, нет, скорее в памяти отложились эмоции, а сознание подсказывает нужные по тексту фразы. Я актриса, и то, что не могу сейчас выразить лицом, взглядом, выливается в слова. Ловлю себя на том, что невольно проигрываю сцены собственной жизни. Знаете, это почти забавно – играть свою жизнь перед собой.

Бродвей и Голливуд...

Сказка наяву

– О, не-е-ет!

В ответ на мой возглас глаза Колетт стали в два раза больше, а у Гудекета и вовсе вылезли на лоб. Произнести «нет» в ответ на предложение самой божественной Колетт сыграть главную роль в готовящейся постановке ее «Жижи» на Бродвее не рискнула бы даже настоящая звезда!

Но я взвыла:

– Я не актриса! Я просто балерина, к тому же не самая хорошая. Я лишь танцую, на сцене не произнесла и слова, а перед камерой не больше десяти: «Не желаете ли сигарет?» Я... я... я опозорюсь и подведу вас!

Подведенные черным брови Колетт в изумлении приподнялись домиком, несколько мгновений стояла оглушительная тишина. А потом... она расхохоталась! Сидони смеялась так заразительно, что ее поддержал и Гудекет. На нас оглядывались, улыбались, кое-кто начал посмеиваться. Улыбалась мама...

Я растерянно смотрела на это пиршество смеха и, не выдержав, расхохоталась тоже. Это действительно нелепо: вместо благодарности за такое сумасшедшее предложение я почти уговаривала великую писательницу не делать его!

Рука Колетт легла на мою руку:

– Дитя мое, если у меня и были какие-то сомнения, то столь эмоциональным отказом вы их полностью рассеяли. Вы будете прекрасной Жижи! – Она жестом остановила мои не успевшие излиться возражения. – Балерины очень трудолюбивы, а вы наверняка талантливы, у вас все получится. На Бродвее прекрасные режиссеры и актеры, вам помогут. Вам нравится местная кухня?

– Что?

– Я спросила, нравятся ли вам эти булочки?

Я растерялась окончательно. Какие булочки, при чем здесь булочки?! Глаза умоляюще уставились теперь уже на маму, чтобы защитила, если Колетт заставит есть мучное.

– Я не ем булочки... Это чтобы не растолстеть, я ведь балерина...

Господи, что я говорю! Сама Колетт довольно полная, но это от сидения в инвалидном кресле, вдруг она обидится на мое замечание о полноте? Мне вовсе не хотелось обижать писательницу.

– А салат вы любите? Попробуйте вот этот, вам понравится. Вы читали мою «Жижи»?

Она разговаривала со мной так, словно я ровня. Блестящий урок поведения с людьми! Кто я по сравнению с ней? Несостоявшаяся балерина, которой пришлось уйти в танцевальные шоу, потому что в примы не выбиться никогда? Актриса, все роли которой состояли в предложении сигарет или помахивании платочком на прощанье? Меня даже не всегда указывали в титрах, а уж упоминать в критике вообще не находили нужным.

Но передо мной сидела одна из самых видных писательниц и разговаривала запросто, как бабушка с внучкой. Правда, бабушкой она мне вовсе не показалась. Колетт при всех ее болезнях и немалом возрасте сам возраст, кажется, не касался. Сколько ей лет? Наверное, довольно много, а в глазах мелькали чертики, и выкинуть какую-нибудь штуку вроде колеса или сальто прямо посреди ресторана мешала только ограниченная подвижность.

Мне стало легко и весело, речь о роли уже не шла, мы просто болтали.

– Вы бывали в Америке? Нет? Вам понравится на Бродвее. Каждая стоящая актриса должна попробовать себя на Бродвее.

Я снова пыталась возразить, но Колетт остановила меня жестом и также жестом попросила Гудекета подать ей фотографию. То, что она написала, все же заставило меня заплакать: «Одри Хепберн – подлинному сокровищу, которое я нашла на пляже».

У мамы на глазах тоже были слезы. Ее дочери предлагали заглавную роль в спектакле на Бродвее, и кто предлагал – сама Колетт!

В номере у меня началась почти истерика:

– Мама, я не смогу! То, что я играла до сих пор, не годится никуда. Я не умею играть, я умею только танцевать! Я вообще не понимаю, почему меня называют симпатичной и фотогеничной!

Удивительно, но от столь лестного предложения меня захлестывало отчаянье. Это не было капризом или желанием набить себе цену, я действительно боялась не справиться и подвести великую Колетт.

Пока мы беседовали в ресторане, все казалось легким и простым, к тому же разговор больше не шел о роли, Колетт решила, что играть буду я, и менять свое решение не собиралась. Но стоило остаться наедине с мамой, сомнения захлестнули снова.

А ведь был еще Джимми! Как я могла уехать работать за океан, пусть даже совсем ненадолго, если мы уже решили пожениться?! Похоже, мама размышляла над этим тоже. Джеймс Хенсон слишком сладкий приз для баронессы ван Хеестра, чтобы отказаться от такого зятя. Мама промолчала, но на ее столике я увидела «Жижи», означало ли это, что выбор сделан?

– Мама, я возьму почитать?

– Да, конечно.

Слишком спокойно, из этого следовало, что мама уже прочитала сама и не нашла в тексте ничего предосудительного для своей дочери. А также она знала, о чем пойдет речь в ресторане. Значит, Колетт или ее сопровождающий успели поговорить с мамой? Но так нечестно, могла бы и меня предупредить! И я бы не выглядела полной дурой, умоляющей не облагодетельствовать себя.

Как случилось, что я до сих пор не прочитала эту книгу?! Где были мамини и мои глаза?! «Жижи» опубликована в 1945 году, конечно, нам обеим несколько не до творчества Колетт, хотя я много о повести слышала.

Боже мой! Уже после второй страницы я едва сдержалась, чтобы не помчаться в Отель де Пари, где остановилась писательница, чтобы встать перед ней на колени и рыдать, уткнувшись в них. Половина интонаций книги я слышала сама из уст родственниц. Конечно, мама никогда не мечтала сделать из меня содержанку, но прививала хорошие манеры очень похожим на госпожу Альварес тоном.

В пьесе юную Жильберту (Жижи) воспитывают мать, бабушка и сестра бабушки, надеясь сделать ее содержанкой состоятельного человека. Мать Жижи, несостоявшаяся актриса, играющая мелкие роли в местном театре, не верит в семейное счастье, а для дочери желает только возможности удачно пристроиться.

Но у Жижи никак не получается быть такой, как от нее требуется, она слишком живая и непосредственная.

Когда один из дальних и богатых родственников вдруг остается один, потому что любовница его бросила, три взрослые женщины немедленно решают, что пришла пора их подопечной. Вот уж чего не ожидали бабушка, тетушка и мать, так это того, что между молодыми людьми вспыхнет настоящее чувство. По мнению бабушки и матери, Жижи совершает величайшую глупость – она влюбляется в того, кого ей прочат в любовники. Поддерживает Жижи только сестра ее бабушки.

Финал прекрасен – молодой человек делает Жижи предложение, но стать не его любовницей, а его женой! Искромётный юмор божественной Колетт делал произведение настоящей

жемчужиной. Если все ее реплики счастливо сохранят в сценическом варианте, получится прекрасная пьеса. О том, чтобы сыграть Жижи на бродвейской сцене, страшно даже думать.

Все дни, что оставались до конца съемок фильма «Ребенок из Монте-Карло», которые шли в это время, я каждую свободную минуту общалась с Колетт. Теперь уже не в ресторане, в своем номере великая писательница читала мне «Жижи» вслух. Даже если бы ничего не состоялось, если бы мне вообще не удалось сыграть эту роль, уже за одно знакомство с этой замечательнейшей женщиной я была благодарна судьбе! Сколько в ней душевной энергии и теплоты, сколько озорства!

Как только не называли Колетт те, кого она не желала замечать или признавать! Строптивой старухой, ворчливой, даже злой... Это добрейшая женщина, веселая, немного лукавая, о старости которой говорить просто неприлично, ограниченная в движении, запертая в своем инвалидном кресле, она производила впечатление необычайной подвижности. Свобода духа взяла верх над скованностью тела.

К сожалению, Колетт прожила после нашего знакомства очень недолго, она умерла в 1954 году, но увидеть отзывы о моем выступлении на Бродвее успела.

Теперь, когда болезнь заставила меня саму познать, что такое инвалидное кресло, я часто вспоминаю Колетт. К сожалению, у меня просто нет сил, чтобы быть столь же живой, но бодрости духа стараюсь не терять, у меня перед глазами был замечательный пример того, как человек может если не победить болезнь, иногда это невозможно, то все же не сдаваться ей до последнего часа.

Я настолько увлеклась Жижи, что чуть не провалила свою, хотя и весьма пустую роль забавной няни, вечно попадающей в дурацкие ситуации, в «Ребенке из Монте-Карло». И все равно страшно боялась театральных подмостков. Одно дело выходить на сцену кабаре в толпе из пары десятков танцовщиц, играть в кино, делая дубль за дублем в случае неудачи, и совсем другое на Бродвее играть в необыкновенной роли, когда исправить ничего нельзя, и если на премьере не сможешь покорить зрителя, то хорошего ждать нечего.

Тогда я осознала разницу между театром и кино. В кино можно переснимать и переснимать, пока пленка не закончится, в театре каждый раз единственный. Но в этом есть свой плюс, если фильм снят, исправить уже ничего нельзя, а на сцене можно завтра сыграть чуть иначе.

А еще в кино образ создается кусочками, иногда даже трудно понять, что же, в конце концов, получилось. В театре единство роли на протяжении всего спектакля...

Но я все равно чувствовала, что я не театральная актриса.

К тому же существовал контракт с киностудией...

Я сомневалась и сомневалась. Моя мудрая мама была готова поддержать любое решение, но на меня не давила совершенно. Подозреваю, что, прекрасно зная собственную дочь, она предвидела мое решение. Честолюбие обязательно должно было пересилить любые страхи.

А честолюбия у меня хватало! Но кто, скажите, из молодых актеров, неважно, танцует он или поет, играет трагические роли или занимается пантомимой, не подвержен этому «недостатку»? Да и недостаток ли честолюбие? Без него не мог состояться ни один мало-мальски знаменитый и даже просто талантливый актер или актриса. Если в вас совершенно нет честолюбия – играйте перед зеркалом в своей квартире, там возможны любые роли и любое качество игры. Но если человек выходит на сцену, значит, желает, чтобы его заметили, даже третьей слева во втором ряду.

На помощь пришел еще один удивительный человек – Марсель Далио. Всю жизнь меня окружали замечательные люди, я просто купалась в их любви и помощи, без их поддержки ни за что не смогла бы состояться!

Марселя так и не оценили по достоинству, предлагая роли второго плана, а как человек он вообще бесценен. Далио дал мне совет, который пригодился на всю оставшуюся жизнь:

– Слушай свое сердце. Если ты почувствуешь, что поступаешь правильно, значит, ты действительно поступаешь правильно.

Колетт сказала свое веское слово (она имела право выбирать исполнительницу заглавной роли), и по возвращении в Лондон я отправилась на встречу с Джильбертом Миллером, купившим права на сценическую версию книги, писательницей Анитой Лоос, создавшей эту самую версию, и Полетт Годар, актрисой, бывшей женой великого Чарли Чаплина. Эта великолепная троица должна была утвердить или отвергнуть выбор Колетт.

В отель «Савой», где состоялась встреча, меня отвез Джимми Хенсон.

Еще в Монте-Карло я очень переживала, как он отнесется к такому предложению. Но мама оказалась права, для начала в телефонном разговоре попросив Джимми прочитать книгу. Замечательный финал понравился моему жениху, и он согласился с необходимостью принять предложение Колетт. И правда, финал «Жижи» мог подсказать и мой ответ Джеймсу Хенсону.

Потрясение бедный Джеймс испытал, увидев, как меня нарядили для важной беседы: вместо элегантной блузки мужская рубашка на размер больше моего, скромные носочки и туфли без каблука. Ни дать ни взять девчонка лет тринадцати-четырнадцати.

– Меня арестуют за соращение несовершеннолетней, и спасти сможешь только ты, подтвердив, что я твой жених.

Пришлось пообещать бедному Джеймсу не оставлять его надолго в тюремных стенах.

– Одри, ты едешь соглашаться?

– Я не знаю, Джимми, я боюсь.

– Ты замечательная, у тебя все получится. И я никогда не буду мешать тебе делать то, что захочется.

Похоже, Джильберт Миллер, когда я вошла в его номер в отеле, испытал такой же шок. Его бровь откровенно приподнялась:

– Мадемуазель, сколько вам лет в действительности?

– Я родилась в мае 1929 года. Но, думаю, пять лет оккупации можно отнять, потому и выгляжу несколько моложе...

Миллер несколько мгновений размышлял, потом решительно затряс головой:

– Все равно мало! Пойдемте.

Моя демонстрация способностей перед Анитой Лоос и Полетт Годар позорно провалилась, я без конца запинаясь, а мой голос не слышали бы даже за три шага. Почему эти добродетельные дамы не выгнали меня прочь, не понимаю. Мало того, Лоос обещала, что в труппе найдется кому заняться моим голосом и, конечно, актерскими навыками.

Они согласились с предложением Колетт и утвердили меня на роль Жижи! Уладить дела с киностудией взялся сам Джильберт Миллер. Я ужаснулась, узнав, что ему придется заплатить студии несколько тысяч фунтов стерлингов!

Мне показалось, что прямо к ступенькам «Савоя» подплыло облако, чтобы унести меня в небесную высь! Заглавная роль в спектакле на Бродвее, да еще и в столь ожидаемой постановке... Пришлось даже украдкой ущипнуть себя, чтобы убедиться, что не сплю.

Джимми, терпеливо ожидавший меня в машине, молча открыл дверцу, помог сесть. Я держалась так, словно боялась расплескать внутри себя что-то сверхценное.

Наконец Джимми не выдержал и расхохотался:

– По твоему ошарашенному виду понятно, что пробы прошли великолепно.

Я замотала головой:

– Я позорно провалила все: читку текста, голосовые упражнения...

– И?

– Но они все равно взяли меня на роль.

– Ты отправляешься за океан?

Но меня волновало другое:

– Джимми, Миллер должен заплатить за меня несколько тысяч фунтов студии. А если я не справлюсь, он не потребует вернуть эти деньги?

Видимо, в моем голосе был такой ужас, что Джимми снова рассмеялся:

– Одри, ты чудо! Если нужно, я сам заплачу эти деньги даже сейчас. Я очень хочу, чтобы тебе все удалось и ты стала моей женой.

– Джи-им...

Я все-таки заплакала, потому что понимала: согласие Колетт и Миллера еще не все, я никакая не актриса и учиться этому мастерству мне придется прямо на сцене. Что может быть ужасней самозванки, которая и актрисой-то не является, учащейся прямо на сцене Бродвея, да еще и в заглавной роли?! Я боялась, что провал навсегда закроет передо мной двери всех театров и киностудий, вот тогда уж точно ролей больше двух фраз с предложением купить сигареты ни в одном фильме не получить.

Но это оказались не все подарки судьбы, облако было достаточно большим, чтобы не растаять под моими ногами еще очень и очень долго.

«Ассошиэйтед Бритиш» переуступила меня Миллеру почти с удовольствием, потому что особой ценности в Одри Хепберн не видела. Но как только был заключен договор, из Голливуда поступил запрос на актрису на роль сбежавшей принцессы в фильме «Римские каникулы».

Об этом фильме, сыгравшем такую большую роль в моей жизни и карьере, обязательно нужно сказать отдельно, во время съемок я познакомилась со столь многими замечательными людьми, что смешивать его не стоит ни с чем, даже с великолепной «Жижи».

В общем, в Америку я плыла уже с двумя предложениями – от театра Фултона на Бродвее и от Голливуда! Сказка продолжалась, хотя каждый вечер, засыпая, я боялась, что проснусь снова в Арнеме или Вельпе под свист падающих снарядов.

Отправилась я за океан одна. Мама получила большой заказ на дизайн интерьеров и не могла отказаться от него в расчете на мои будущие заработки. Никто не мог знать, что получится из выступления на Бродвее. А «Римские каникулы» должны снимать только через год, конечно, в Риме. Мама обещала закончить работу поскорей, а даже если не успеет, то что-то придумать и приехать на премьеру «Жижи» вместе с Джимми.

За время плавания от нечего делать я выучила текст «Жижи» наизусть, но помогло мало. Помнить каждое слово не значит произносить его с нужной интонацией. Но это не все, в маленькой каюте (не могла же я позволить себе апартаменты!) заниматься ежедневными упражнениями оказалось негде, в ресторане вкусно кормили, к тому же, страшно нервничая из-за всего – опасений с треском провалиться, не понравиться режиссеру, партнерам по сцене, наконец, просто заблудиться в огромном Нью-Йорке, о котором столько слышана, а еще от одиночества, – я принялась... кушать. И кушала то, чего не употребляла давным-давно, – булочки!

О... теперь-то я знаю, как вкусные булочки умеют откладываться на боках! Все, что съела за время путешествия, словно обволокло мою фигуру и щеки. Глаза бедного Джильберта Миллера просто покинули пределы его век – вместо виденного в Лондоне подростка-худышки перед ним стоял настоящий пончик!

– Что это?!

Я уже понимала, в чем дело, прибавка в весе составляла целых восемь килограммов, это при моих сорока пяти!

– Я похудею, похудею!

– Конечно, – проворчал Миллер.

Почему он не выставил меня за дверь? И снова мне повезло, потому что за мой вес взялся Мортон Готлиб. Критически окинув взглядом упитанную мордашку, он скривился и объявил:

– Без моего ведома ничего не есть и не пить!

Если бы я сама не чувствовала, что мне нужно худеть, это был бы мой последний день работы на Бродвее, но в тот раз я подчинилась. Я всегда подчинялась, если не знала сама, как нужно делать, или когда точно знала, что требования справедливы.

Готлиб показал мне отменный ресторан, где кормили дешево и вкусно, – «Динти Мур». Но главное, как он представил там меня саму:

– Вот этой даме не подавать ничего, кроме мяса-тартар! Даже если она будет на коленях умолять о булочке.

Не удержавшись, я прыснула от смеха:

– Клянусь, мистер Готлиб, я не съем больше ни одной булочки! Это просто из-за нервов.

– Нервничать, милая леди, вам придется все время, сцена не терпит спокойствия, а аппетит нужно умирять. Без меня никуда не ходить и ничего не есть, у вас лишние фунты откладываются на щеках.

Я быстро похудела, чем мистер Готлиб очень гордился. Я не стала говорить, что не меньше жесткой диеты мне помогли и ежедневные занятия, теперь каждую свободную минуту я старалась давать себе нагрузку.

Меня всегда и везде окружали только хорошие люди.

Когда сразу после приезда понадобилось устроиться в гостинице, я по рекомендации отправилась на 58-ю улицу в отель «Блэкстон». Предложенный номер был очарователен – в окна весело заглядывало солнце, что редко бывает в Нью-Йорке с его высокими зданиями, немного уютной мебели, и достаточно места для занятий балетными упражнениями.

Но стоило выразить настоящее восхищение, как оно тут же сменилось разочарованием – стоил номер невозможно дорого для меня, практически в полтора раза больше, чем я могла платить. Видно, на моем лице отразилось все, но менеджер развел руками, он не имел права изменять условия оплаты.

Я искренне вздохнула:

– Жаль... Может, вы посоветуете, куда мне еще пойти? Приглашена для участия в постановке на Бродвее, а денег, как видите, кот наплакал.

Кажется, он не слишком поверил.

– Правда, правда. Я буду играть Жижи в спектакле по пьесе Колетт. Если, конечно, все пойдет хорошо. Знаете, кто меня предложил на эту роль? Не поверите, сама Колетт! Смешно?

Я болтала еще о чем-то, извинялась за свою болтливость, объясняя, что за время плавания почти разучилась разговаривать, потому что рядом оказались только строгие, чопорные пожилые пары...

– Сколько вы можете платить за номер?

Я решила, что менеджер спрашивает, потому что намерен посоветовать нечто подходящее моему бюджету, а потому вздохнула:

– Не больше девяти долларов в день.

– Хорошо, будете платить за него девять долларов в день. Располагайтесь, и надеюсь увидеть вас в роли «Жижи», этот спектакль очень ждут в Нью-Йорке.

Неизвестно, от чего я испытала большее потрясение – от снижения цены или сообщения, что спектакль ждут.

– Как ждут?!

– Конечно, вон сколько рекламы. Вам дурно?

– Я... боюсь. Я просто боюсь, что опозорюсь.

– Вы?! Ни за что!

Но переубедить меня гостиничный работник не смог, тем более начались читки текста и репетиции. До премьеры оставалось совсем немного времени, а я выглядела по сравнению со своими партнерами просто бездарью! Партнеры по сцене у меня были великолепные, но все много старше меня самой, неудивительно, если вспомнить, что главные роли – бабушка, тетушка, мать...

От «Жижи» с Одри Хепберн» до «Одри Хепберн в «Жижи»

Вывеска над театром Фултона объявляла о премьере «Жижи», крупными буквами перечислены актеры. Увидеть свое имя на Бродвее, да еще и так крупно... и в газетах тоже: «Жижи» с Одри Хепберн в заглавной роли...», когда у тебя никакого опыта игры в театре, поверьте, это очень страшно, не волнующе, а именно страшно. Опозориться на Бродвее значит опозориться на весь мир.

Главным ангелом-хранителем в театре Фултона для меня стала Кэтлин Несбитт. Это моя театральная мама, без нее я бы так и осталась девушкой, продающей сигареты или выплясывающей третьей слева во втором ряду.

– Чего ты боишься? Нет, не стоит так кричать, нужно просто произносить каждое слово четко и громко, чтобы звук не завяз в зубах, а долетел до последнего ряда. Фраза, фраза, Одри! Это не набор слов и не шепот в камеру, нужно уметь выделить главное слово и на него опираться.

Я училась, и Кэтлин Несбитт терпеливо, слово за словом, фразу за фразой роли, каждую по несколько десятков раз повторяла и повторяла со мной. Она не требовала, чтобы я заучивала интонацию, напротив, поощряла творчество, но всегда просила, чтобы я понимала, что именно говорю и почему произношу эти слова, а не другие.

Постепенно во время репетиций Кэтлин в зале садилась все дальше и дальше, а я привыкала не бормотать себе под нос.

Если публика на представлениях и понимала то, что я произносила, то великая заслуга в этом Кэтлин Несбитт. Сама Кэтлин играла тетушку главной героини Алисию, даму с богатым прошлым и весьма строгую в обращении с внучатой племянницей. За пределами роли она была сама доброта, даже согласившись помочь мне в пробах на роль в «Римских каникулах».

С утра до вечера Кэтлин репетировала со мной и добилась того, чтобы я понимала, что именно играю, вернее, проживаю на сцене. Я так и не научилась играть, зато я научилась разбираться в роли и жить ею на сцене. Наверное, это очень плохо для актрисы – не уметь играть, но, как бы я ни старалась, никак не получалось изображать что-то, мне проще прожить.

Иногда это даже вызывало смех, например, на предварительных читках и самых первых репетициях, когда просто разрабатываются мизансцены, определяется, кто и как будет двигаться, кто и что говорить или ждать реплики партнеров. Я не умела, пытаюсь играть с первой минуты репетиций. Опытные актеры прятали улыбки, а некоторые все же смеялись над моей излишней старательностью.

Мы подружились с Кэтлин Несбитт на всю жизнь, она годилась мне в матери, даже почти в бабушки, потому что была почти на сорок три года старше, и относилась так же – тепло и ласково, однако требовала очень строго. Я рассказывала Несбитт обо всем, кроме папы, и очень боялась, что она обидится на такую недомолвку, но Кэтлин – душевный человек, она поняла, что есть запретная тема, и никогда не задавала лишних вопросов.

У нее тоже была запретная тема, о которой знали все, – пьянство мужа, об этом мы тоже не говорили.

День премьеры неумолимо приближался. Это произошло в субботу 21 ноября 1951 года.

Если бы не поддержка со всех сторон, мои дрожащие ноги не смогли бы вообще вынести меня на сцену, а руки, наверное, не удалось бы оторвать от занавеса, в который я вцепилась мертвой хваткой. От ужаса перед предстоящим я плохо соображала, что делаю.

И вдруг совершенно спокойный голос:

– Жижи, я жду тебя на сцене...

Я даже не помню, кто именно это произнес, но сказано было удивительно верно, я вдруг почувствовала, что трясушаяся от страха Одри перестала существовать и появилась Жижи, которая вон там, на ярко освещенном кусочке мира, должна прожить часть своей жизни. А что при этом на нее посмотрят, так ничего, для этого все и затеяно.

Я окунулась в жизнь Жижи, перестала думать о зале, даже об ответственности, не вспоминала интонацию, с которой должна произнести что-то, я просто жила и даже пожалела, когда все закончилось.

Но потом был ужасный момент, всего миг, за который я решила, что кино в тысячу раз легче театра, потому что можно не ходить в кинозалы и не читать рецензий, а на сцене сразу слышно, приняли спектакль или нет.

Занавес опустился, и... тишина! Позже мне твердили, что аплодисменты прозвучали сразу, но тогда показалось, что прошло как минимум полчаса, я даже чуть не расплакалась. Взвинченные до предела нервы не могли выдержать и секундной задержки. Я с ужасом перевела взгляд на Кэтлин, мелькнула мысль: неужели провал?! Глаза Кэтлин улыбались, и тут из зала докатились звуки аплодисментов.

Крепко держа меня за руку во время поклона, Кэтлин с удовольствием сказала:

– Молодец, девочка!

Режиссер спектакля Раймон Руло хмыкнул:

– Посмотрим, что скажут господи журналисты...

Журналисты сказали то, что меня сильно расстроило. Газеты очень сдержанно отнеслись к самому спектаклю, почти не заметили прекрасную игру Кэтлин, зато почему-то хвалили меня саму!

Гримерная завалена букетами.

– Откуда это?!

Готлиб хохотал:

– Из цветочных магазинов.

– Но почему все принесли ко мне?!

– Потому что их передали тебе.

Я не могла понять:

– Так нечестно, я играла много хуже всех, я просто бездарь и неумеха!

– Публика дарит цветы тем, кто ей понравился больше всего.

Мы пили шампанское, а я все пыталась извиниться перед остальными.

– Да за что, Одри?!

– Я играю хуже всех, я самая неумелая, а превозносят меня.

Кэтлин Несбитт рассмеялась:

– Это хорошо, что ты понимаешь, что умеешь не все, но не стоит судить так строго, ты сыграла прекрасно.

– Нет, нет, я деревянная кукла, у которой от страха даже ноги не гнулись!

А Миллер фыркнул:

– Ты хоть не скажи это журналистам.

– К...каким журналистам?!

– Целая толпа ждет возможности взять интервью у новой звезды.

Со мной едва не случилась истерика, я по-настоящему испугалась:

– Нет, только не это! Я не звезда и ничего не умею!

И снова на помощь пришла Несбитт:

– Одри, просто будь сама собой, для тебя этого достаточно.

Этот совет, как и совет Марселя Далио, я запомнила на всю жизнь и готова повторить всем, независимо от того, чем они занимаются, молоды или уже опытные: будьте самими собой и слушайте свое сердце!

Я всегда играла только на сцене или перед камерой, в остальное время оставаясь собой. Я жила ролью, но не играла в жизни, никогда не путая одно с другим. И видела, как тяжело тем, кто путал. Конечно, популярному, публичному человеку трудно оставаться незаметным за пределами съемочной площадки, но и позволять следить за каждым своим шагом нельзя, должна быть грань между общим и твоим личным. А уж позволять раздувать сенсации из-за любой мелочи или превращать в скандал каждое слово...

На следующий день легче не стало, напротив, теперь из зала раздавались аплодисменты в ответ на какую-то удачную реплику, это заставляло задерживать следующую, приходилось дополнительно напрягаться.

Мало того, у служебного входа ко мне почти с визгом бросились несколько девушек, протягивавших мои же фото или афиши:

– Подпишите!

– Я?!

Кэтлин снова смеялась:

– Одри, я не все учла в твоём обучении, надо было научить тебя еще и вести себя, как звезда.

– Я не звезда.

– Ты звезда, только пока этого не поняла. А зрители увидели это раньше тебя самой.

Разговор происходил после весьма знаменательного для меня события. Я увидела, что монтажники что-то делают со световой афишей над главным входом в театр. Неужели убирают рекламу?! Как жаль, ведь это означало, что спектакль закрывают.

Мне действительно было жаль, потому что с каждым разом игра получалась все лучше, голос уже не дрожал, я не металась по сцене, стала понимать, что делают остальные, замечать даже зрителей в первых рядах. Мелькнула мысль, что сказка кончилась.

Но тут я поняла, что рабочие просто переставляют буквы. Теперь надпись выглядела иначе: «Одри Хепберн в спектакле «Жижи»!

– А остальные?!

Джилберт Миллер спокойно пожал плечами:

– Чуть пониже и мелкими буквами. И не надо объяснять мне, что это нечестно! Зрители желают видеть Одри Хепберн и во главе афиши тоже. Кстати, зажечь новую рекламу придется вам самой и в присутствии журналистов.

Зажечь действительно пришлось, от фотовспышек рябило в глазах даже у меня, в общем-то, привыкшей к софитам и камере. Я тряслась от страха...

– Чего ты боишься?

Я ответила Кэтлин Несбитт честно:

– Полуночи.

Она без объяснений поняла, улыбнулась:

– Одри, твой карета не превратится в полночь в тыкву, она настоящая. Ты заслужила такую сказку.

Я рыдала, уткнувшись в колени своей наставницы:

– Чем?!

– Хотя бы вот этими слезами, девочка.

А мне понятно одно: это аванс, который отработать придется всю жизнь, отработать, забывая о самой себе. Меня любили, обожали, не подозревая, что я этого совершенно не заслуживаю, значит, предстояло заслужить. Это огромный груз, и мне просто повезло, что рядом оказались люди, которые помогли его вынести и не сломаться, не заболеть звездной болезнью.

Мама не смогла приехать на премьеру, она добралась до Нью-Йорка только через месяц, когда моя известность стала уже почти привычной, а число желающих взять автограф с каждым днем увеличивалось. Ей очень не понравился отель за девять долларов в сутки и то, что мне не выделили машину.

– Я вовсе не звезда. Спектакли на Бродвее не идут подолгу, а будет ли следующий, неизвестно.

– Ты должна потребовать увеличения оплаты!

– Я должна сначала научиться хорошо играть, мама.

Как объяснить, что за каждую фразу шла борьба, что вот уже месяц я перед каждым выходом на сцену трясусь как в лихорадке, даже зубы стучат. И только понимание, что не имею права подвести остальных, заставляет делать первый шаг из-за кулис. Лишь потом, погрузившись в роль, я забываю свой страх.

В первый же вечер мама пришла на спектакль, хорошо, что я этого не знала. Знала Кэтлин, но она благоразумно ничего не сказала. В этом тоже был риск: увидев маму прямо в зале, я могла сорвать спектакль. Не случилось, все прошло хорошо, мы несколько раз выходили на поклон, а за кулисами я привычно бросилась на шею Кэтлин. Та улыбнулась:

– Молодец!

– Спасибо!

И тут я увидела стоящую чуть в стороне маму.

– Мама, тебе понравилось?

Баронесса Элла ван Хеестра не могла обниматься с дочерью, как актриса Кэтлин Несбитт, она спокойно и с достоинством произнесла:

– Ты играла очень хорошо, дорогая, учитывая полное отсутствие опыта.

Но тут налетели журналисты, узнавшие, что к новой звезде приехала мать. Упустить возможность сделать такую фотографию просто грешно! Мама позировать перед фотокамерами умела всегда, ее достоинству могли позавидовать королевы. И ее мало впечатлил ажиотаж вокруг меня.

Но что-то было не так, и меня это мучило. Много позже я поняла, что именно. В каждом письме, каждом телефонном разговоре, и когда мама уже приехала в Нью-Йорк, я без конца твердила о помощи Кэтлин Несбитт. Это была правда, я без Кэтлин никуда, но так хотелось, чтобы и мама поняла, как помогла мне Несбитт, прониклась благодарностью к ней. А получилось все наоборот.

За много лет мама привыкла, что всем, чего я достигаю, я обязана ей, именно ее помощь и поддержка давали мне возможность учиться балету, потом играть пусть и маленькие роли в кино. А теперь у меня был большой успех, и помогла мне не она, а чужая женщина, которой я столь благодарна. Мама оказалась к моему успеху непричастна, и, думаю, это было главным сдерживающим фактором для нее.

Конечно, баронесса Элла ван Хеестра сдерживала эмоции в любой ситуации, но наедине со мной могла бы похвалить или сказать, что в восторге от меня не меньше, чем публика. Не сказала...

И я инстинктивно отшатнулась к Кэтлин, которая, наоборот, хвалила за малейший успех, а если и требовала, то не потому, что «дамы нашего круга должны вести себя иначе», а объясняя, что так будет лучше. У меня появилась вторая мама – сценическая, та, благодаря которой я стала актрисой. И моя настоящая мама обиделась, нет, она ничего не говорила, но я же видела...

Кэтлин Несбитт я действительно обязана своей игрой, мы остались подругами до конца ее жизни – до 1982 года. Кэтлин умерла в девяносто три года, хотя энергии и доброты у этой женщины хватило бы еще лет на сто. Я так счастлива, что часть ее души принадлежала и мне!

Кэтлин я обожала, в том числе за ее умение не быть высокомерной. Очень успешная актриса, она принадлежала куда больше театру, киношники не сумели разглядеть ни ее, ни Марселя Далию, эти два чудеснейших человека вечно играли роли второго плана. Кажется, Кэтлин всю жизнь играла бабушек, зато какова бабушка в «Незабываемом романе»! И снималась она всю жизнь – если я не путаю, последний ее фильм, «Семейный заговор» Хичкока, снят в 1975 году. В нем все та же очаровательная, неутомимая Кэтлин, у которой каждая фраза, каждое слово весомы, значимы, несут смысловую нагрузку. Она учила меня этому всю жизнь, но сначала на Бродвее.

А замечательные мемуары Кэтлин? Словно и не было в ее жизни трудностей, вернее, они были, но лишь в виде досадных помех счастью. Одно название чего стоит: «Маленькая любовь и большая компания»! Любовь ко всем у Кэтлин не была маленькой, наоборот, была поистине всеобъемлющей. Представляете, как мне повезло иметь такую наставницу!

Разве я могла не быть благодарной за ее учебу? Можно быть леди, уметь вести себя с достоинством, можно следить за каждым словом и не давать воли собственным эмоциям в жизни, как наставляла мама. Но только в жизни, на сцене этого делать нельзя, зритель должен видеть переживания актрисы, иначе получится просто ледышка.

Думаю, в этом и заключался конфликт между мамой и Кэтлин. Нет, самого конфликта не было, но они учили меня прямо противоположному: мама – быть сдержанной, не выражать эмоций, что бы там ни чувствовала, а Кэтлин напротив – все выражать и лицом, и голосом.

Научили обе: перед камерой я кривляка, а вот вне площадки сама скрытность, но скрытность доброжелательная. Это тоже урок моих дорогих мамочек, обе они внушали, что нужно сначала думать о других, а потом о себе, относиться доброжелательно ко всем, даже к тем, кто тебе не слишком приятен. К счастью, таких людей в моей жизни (не слишком приятных) было очень мало, и надеюсь, они не почувствовали моего внутреннего напряжения в своем присутствии. Я старалась не подвести дорогих наставниц, очень старалась.

Думаю, они не могли подружиться, но не потому, что боролись за меня, а потому, что учили разному. Мама ревновала меня к Кэтлин, хотя никогда не подавала виду, баронесса ван Хеемстра умела держать себя в руках. А Кэтлин не ревновала, понимая, что мама все равно дороже, но всегда старалась помочь мне в профессии.

Как бы то ни было, «Жижи» шла успешно, Колетт писала слова благодарности мне, а я ей, спектакль шел гораздо дольше, чем предполагалось, а потому на следующее облако под названием «Римские каникулы» я шагнула только следующей весной.

И все равно «Жижи» на время убрали из репертуара только потому, что Одри Хепберн должна сниматься в «Римских каникулах».

«Римские каникулы»

«Римские каникулы» были праздником с первого дня, таковыми и остаются.

Сейчас, когда мне очень плохо после химиотерапии и приема обезболивающих, я часто вспоминаю кадры из этого счастливого фильма. Не потому, что он принес мне «Оскара», а потому, что подарил знакомство и дружбу со столькими прекрасными людьми.

По сценарию я должна играть принцессу Анну, прибывшую с официальным визитом в Рим. Несчастливая принцесса настолько замучена строгими правилами, по которым обязана вести себя не только во время официальных приемов, без конца улыбаясь, выслушивая и делая дежурные комплименты, но и в свободное время, что мечтает об одном – вырваться на свободу хоть на часок. Совершенно нечаянно ей это удастся, и Анна, никем не узнанная, сутки разгуливает по Риму в обществе американского журналиста в исполнении Грегори Пека! Боже мой, я должна играть в паре с... с... я даже словами не могла выразить свое восхищение красивым, мужественным Пеком!

Но теперь я уже знала, что в жизни ничего невозможного нет. Если меня, вчерашнюю танцовщицу кордебалета, фотографируют для обложек знаменитых журналов толпы журналистов, а на спектакль «Жижи» на Бродвее нет непроданных билетов, то почему бы не сыграть с Пеком? Вот наглость, правда? Но я так радовалась жизни, что съемки даже в этом звездном содружестве казались еще одной шалостью. Главное, он сам, посмотрев мои пробы, дал согласие.

Пробы были провальными, я это знала точно.

Идя на первую встречу с Уильямом Уайлером, я, к своему позору, ничего о нем не знала, не видела ни одного фильма гениального режиссера. Сказали только, что у него два собственных «Оскара», четырнадцать снимавшихся у него актеров также получили эту награду, а тридцать шесть номинировались на нее, любой мог только мечтать сняться у Уайлера хотя бы в эпизоде. Разве я могла тогда подумать, что стану пятнадцатой?

Может, я и растеряла бы свой чуть ребяческий пыл и выглядела перепуганной девчонкой, но первое, с чем я столкнулась, было предложение... сменить фамилию, потому что актриса с таким именем уже есть – Кэтрин Хепберн, замечательная, божественная Кэтрин Хепберн, тягаться с которой было просто глупо. Знаете, что ответила внезапно облакканная судьбой нахалка? Я заявила:

– Если вы хотите получить меня, то вам придется сделать это вместе с моим именем!

Наверное, в Голливуде потеряли дар речи от такой наглости, а когда пришли в себя, попросили срочно провести пробы.

Я понятия не имела, чего же от меня ждут. Отвратительно сыграла сценку из «Римских каникул», но Торольд Дикинсон, у которого я уже снималась в «Секретных людях», не стал выключать камеру, принявшись болтать о том о сем. Обмануть меня не удалось, я заметила, что камера работает, но почему-то стало очень смешно, и я не выдержала – расхохоталась. Просто корчилась от смеха, прекрасно понимая, что следующей пробы в моей судьбе может уже и не быть, но все равно было весело! Мы пошутили, вспоминая забавные случаи на съемках, которые всегда бывают, поговорили...

Мысленно махнув рукой, я вернулась к своим делам. Но эти импровизации почему-то понравились режиссеру, он не заметил плохой игры в сценке, зато увидел мою лукавую улыбку.

Во время репетиций и первых месяцев на сцене в спектакле «Жижи» я была настолько занята, что почти забыла о фильме. Сценарий все еще переписывался, в Риме шли переговоры по разным вопросам ради получения разрешений на съемки на улицах в разгар туристического сезона, и меня не трогали.

Но в феврале из Калифорнии в Нью-Йорк прилетела Эдит Хед – законодательница мод в Голливуде, чьи костюмы уже в двух фильмах были оценены на «Оскара»! Вообще, Эдит Хед получила целых восемь «Оскаров», два из них за фильмы с моим участием, и тридцать пять раз была на «Оскаров» за костюмы номинирована. Если не ошибаюсь, столько премий больше не получал никто из женщин.

И снова я тряслась от страха. Мне так много наговорили об Эдит! Она строгая, сухая, синий чулок в извечных черных очках, голос скрипучий, словно несмазанная дверь, совершенно не принимает возражений и даже не переносит их...

Ну уж нет! В костюмах играть мне, и, если художница предложит то, что категорически не подойдет, я не посмотрю, что у нее «Оскары»! Моей решимости, пока я одевалась, чтобы отправиться на встречу к Эдит, мог бы позавидовать любой идущий на приступ вражеской крепости солдат. Стараясь выглядеть строже, я выбрала темный костюм, украшенный белым воротничком и манжетами, взяла белые перчатки... На углу продавали ландыши – совсем крошечные букетики, но как цветы удачно вписались в мой образ!

Так и предстала перед законодательницей костюмного Голливуда.

Никакой вражеской крепости не обнаружилось. Не понимаю, куда временами смотрят люди, рассказывающие страшилки? Да, было все: сухая, строгая, совершенно крошечная фигура, мне чуть выше плеча, черные очки и черная челка... но стоило немного скрипучему голосу поинтересоваться: «Какой у вас объем талии, мисс Хепберн?» – и я поняла, что совершенно не страшно и вовсе не хочется воевать с этой женщиной.

Диета Готлиба и усиленные физические упражнения давно дали свой результат, пончик превратился в худышку, а потому я горделиво улыбнулась:

– Пятьдесят сантиметров.

– Пройдитесь...

Вот уж это пожалуйста!

– Прекрасно. Давайте посмотрим эскизы костюмов для принцессы Анны.

Платья для первого парадного выхода и для заключительной пресс-конференции принцессы мне понравились, но выбранные ткани...

– Мисс Эдит, но едва ли я буду чувствовать себя удобно в тяжелой тафте и всем этом...

Она рассмеялась своим чуть скрипучим смехом:

– В том и суть! Конечно, принцессе неудобно, иначе почему она сбежала? Очаровательное создание, закованное во все это: платье, регалии, правила этикета, требования протокола, когда определено даже то, что пить на ночь и в чем спать... Поневоле захочется вырваться на свободу.

Сухая, почти чопорная дама вдруг оказалась такой душевной и милой! Я едва не расцеловала модельера, потому что рисунок роли во многом был наглядно объяснен этими ее словами. Она вовсе не оказалась старой врединой, напротив, по моей просьбе Эдит поменяла форму вырезов платьев и согласилась, что рядом с рослым Грегори Пеком я могу себе позволить надеть туфли на каблуке.

Я не могла отвести глаз от ее черной челки – идеально ровной, лежащей волосок к волоску. Мне ни за что не удалось бы содержать волосы вот в таком абсолютном порядке! Она заметила, чуть усмехнулась, тряхнув головой, при этом челка послушно улеглась на свое место:

– Хотите такую же?

– Нет, что вы!

– Правильно, это не для вас. Ваша челка должны быть растрепанной. Почему вы носите полудлинные волосы, вам пойдет короткая стрижка.

– Не знаю... я балерина, бывшая, конечно, нам нельзя иметь короткие волосы, чтобы не мешали.

– Теперь вы актриса и, смею надеяться, скоро станете законодательницей мод для многих. Поэтому привыкайте одеваться и держать себя подобающе.

Я невольно рассмеялась:

– Ну какая же я законодательница, мисс Эдит! Разве кто-то станет носить на улицах наряды Жижи?

– Вот этот фильм, – она кивнула на стопку эскизов, – сделает вас знаменитой и законодательницей мод тоже. А мы постараемся, чтобы наряды из него носили на улицах, – Эдит вдруг подмигнула мне. Очки темные, но достаточно прозрачные, чтобы заметить это лукавство.

Я благодарна Эдит Хед, она сделала все, чтобы мои платья не затмили меня саму, а ведь такое частенько бывало в фильмах. Костюмы явились только обрамлением принцессы, но каким обрамлением! Куда уж лучше для первой столь важной роли.

Кажется, мы расстались вполне довольными друг дружкой, она просила только об одном: не поправиться. Тут я могла обещать с чистой совестью:

– Никогда!

Удивительная женщина. Знаете ее знаменитые слова: «Платье должно быть достаточно облегающим, чтобы показать, что вы женщина, но достаточно свободным, чтобы вы выглядели леди»? Точней не скажешь...

После Эдит Хед эстафету приняли гримеры.

Меня никогда в жизни столько не разглядывали при самом различном освещении. Секретарь едва успевала записывать то, что ей диктовала беззастенчиво поворачивавшая мое лицо за подбородок из стороны в сторону Уолли Вестмор. Перечитав записи, гример фыркнула, точно кошка, несколько секунд скептически изучала мое лицо и вдруг заявила:

– Не пойдет!

Сказано это было так, словно я обязана немедленно сменить это самое лицо на какое-то другое.

– Но у меня нет другого лица.

Попытка пошутить была воспринята серьезно:

– Будем работать с этим.

Следующие два часа она колдовала над моим внешним видом, периодически чуть отступая, снова почти бросаясь ко мне, задумывалась, хмыкала, что-то подправляла и перекрашивала...

Когда она наконец закончила, я не поверила своим глазам – из зеркала смотрела такая красавица, какой я отродясь не бывала!

Рука Уолли ткнула кисточкой в мою сторону:

– Так! Запомнили?

– Нет, – честно призналась я.

– Я не вам. Записывайте...

Секретарь исписала еще пару листов, Уолли проверила, что-то подправила и вдруг махнула рукой:

– Этот чертов Росси все равно сделает все по-своему. Обидно, что у него получится еще лучше. Но материалы мы все равно пошлем. И инструкцию тоже!

Гримировал меня в фильме действительно Альберто де Росси, а его жена Грация была парикмахером. Какой восторг работать с такими мастерами! Я совершенно не чувствовала на себе тонны грима, как часто бывает у актрис, а душевное тепло смягчало все остальные неудобства. Хотя язык не поворачивается назвать неудобством возможность поболтать с Альберто или Грацией, пока они делают тебя настоящей красавицей.

Уолли Вестмор свой сеанс закончила заявлением:

– Вы будете любимицей публики, или я ничего не смыслю в этой жизни!

– Спасибо.

– Мне? Благодарите маму с папой. А еще Господа Бога.

С Альберто де Росси мы работали вместе еще в пяти фильмах, а с Грацией в четырех. Я же говорю, что мне сказочно везло на прекрасных людях и настоящих мастерах своего дела!

С Грегори Пеком мы встретились в отеле «Эксельсиор». Как же он хорош! Я не говорю «был», потому что Грегори таковым остается. Тогда ему едва исполнилось тридцать шесть лет – прекрасный возраст для мужчины. Рослый, сильный, мужественный, рядом с таким человеком чувствуешь себя защищенной от всех бед, его глаза всегда излучают доброту, он доброжелателен... Я могла бы еще тридцать две страницы исписать восторженными панегириками Грегори Пеку, но и того было бы мало!

Я протянула ему руку, и кисть просто утонула в его большущей ладони. И вдруг...

– Ваше высочество...

Не улыбнуться в ответ просто невозможно.

– Постараюсь не подвести вас.

– Это невозможно, вам достаточно только улыбнуться, чтобы зрители влюбились.

Как же рядом с ним было хорошо работать! Пек старался рассмешить меня перед началом съемок, чтобы перестала трястись от страха, Грегори, видно, сразу понял, что я очень-очень боюсь, хотя не понять это было трудно, кажется, стук моих зубов заглушал даже команду «Мотор!».

Он же сказал, что, на наше счастье, у Уайлера ограничено количество дублей, иначе режиссер всех просто замучил бы повторами. Подозреваю, что Пек сказал это для меня, я органически неспособна к повторениям, лучший дубль всегда первый. Не могу с одинаковыми эмоциями проживать десять раз подряд одно и то же.

Но тут Грегори, похоже, был не прав. Уайлер делал до пятидесяти дублей! И когда все начинали уже тихо ненавидеть текст и вообще съемку, вдруг следовало: «Стоп! Снято!» – и наш дорогой режиссер задумчиво вздыхал:

– В общем, неплохо, но, похоже, мы потеряли непосредственность.

В глазах Эдди Альберта, игравшего в фильме фотографа, я видела желание убить Уайлера немедленно, пока тот не потребовал пятьдесят первый дубль.

Грегори Пек и Эдди Альберт постоянно шутили надо мной. По сценарию фотограф следит за принцессой и журналистом, чтобы сделать компрометирующие снимки для будущего скандального репортажа журналиста. Но к вечеру Анна и Джо Брэдли уже влюблены друг в друга, и у журналиста не поднимается рука написать такой репортаж, а его друг фотограф не решается использовать скандальные снимки. Порядочность и чувства берут верх над желанием заработать.

У самой Анны верх берет ответственность, она просто возвращается во дворец, хотя больше всего на свете желает остаться в мансарде Джо, а не участвовать в официальных приемах. Получалась Золушка наоборот, принцесса, спустившаяся с заоблачных высей, чтобы побыть простой девчонкой, но в полночь вернувшаяся обратно... Последняя встреча принцессы и двух репортеров состоялась на пресс-конференции, где правила придворного этикета встали между ними непробиваемой стеной.

Но до такого грустного расставания в фильме множество веселых и забавных приключений, во время которых принцесса познает отличную от дворцовой жизнь, учится быть простой девушкой, ходить, как все, есть, как все, болтать, как все... Для живой, непосредственной принцессы эти сутки на воле поистине подарок судьбы. Она с удовольствием познавала новый мир за пределами дворца.

Я тоже с удовольствием познавала новый мир – киносъемок, и настоящим проводником в нем оказался Грегори Пек. Можно ли мечтать о лучшем наставнике?

Когда мы снимали сцену с «Устами истины», Грегори Пек, перед тем как засунуть свою руку в «Уста», якобы наказывающие лжеца, вдруг задумчиво произнес:

– Черт возьми, забыл уточнить, поставили они капкан действительно или все-таки передумали.

Я испугалась по-настоящему:

– А что, могли поставить?

– Угу, для естественности.

Я закричала вполне натурально, потому что, вытаскивая свою руку, Пек успел прошипеть сквозь зубы незаметно для камеры:

– Забыли отпустить пружину...

Потом, не выдержав, я несколько секунд просто лупцевала его кулаками по груди, а Грегори хохотал от удовольствия:

– Зато как естественно!

Во время следующего дубля кто-то из ассистентов по его просьбе лишь слегка коснулся моих собственных пальцев, вложенных в «Уста», ножницами, от прикосновения к холодному металлу мой визг снова был вполне правдоподобным. Я раскусила хитрость Грегори – он постарался держать меня в настоящем напряжении, я просто не знала, что еще придумали, а потому действительно боялась прикоснуться к этим самым «Устам».

Грегори обещал прилететь на это Рождество, я буду очень его ждать.

Когда-то он сказал, что многое бы отдал, чтобы снова оказаться в Риме на тех съемках. Я тоже, потому что такого счастья не испытывала, даже когда снималась в «Забавной мордашке» с удивительным Фредом Астером. Возможно, потому, что Анна – первая большая роль. А возможно, из-за Грегори Пека, такого опекуна у меня больше не было, только Кэтлин в «Жижи». Как же мне повезло – с первых шагов в кино и театре получить ТАКИХ наставников!

Если Грегори прилетит, надо попросить его вспомнить хотя бы несколько сцен, у него великолепная память, Пек тут же в лицах изобразит множество забавных случаев и нелепостей, каких всегда много на съемках. Представляю, как мы будем хохотать...

Я жду это Рождество не потому, что оно последнее в моей жизни, а потому, что на него обещали собраться мои любимые... Обидно, что даю столь печальный повод для сбора. Пока мы живы и не при смерти, мы всегда заняты, и только понимание, что кого-то больше не увидишь, заставляет примчаться к человеку, бросив все дела.

Грегори Пек обещал бросить...

Но не стоит о грустном. В нашем с Пеком общении было много веселого, и прежде всего в «Римских каникулах».

Вообще-то играть в «Римских каникулах» мне практически не пришлось, я чувствовала себя той самой принцессой Анной. Все вокруг обходились со мной словно с настоящей королевской особой. Мама наставляла меня не менее строго, чем графиня принцессу в фильме, а мне постоянно хотелось удрать от строгих правил поведения и просто пошалить. При этом я никогда не забывала, что должна «вести себя прилично, согласно своему статусу».

Вот и получилась принцесса Анна.

А не влюбиться в блистательного Грегори Пека просто невозможно. Какой же он надежный! Когда есть такой наставник, сыграть плохо просто не получится. Это заслуга Пека, что мне удалась роль. А еще дотошного Уайлера, Эдди Альберта, игравшего его приятеля фотографа, дорогой Грации, причисывавшей меня, Альберта де Росси, каким-то непостижимым

образом сумевшего замаскировать гримом все недостатки моей мордашки, и... кажется, я могу перечислить всю съемочную группу «Римских каникул», от Уайлера и Пека до осветителей и водителей. Они были так внимательны и добры, так предупредительны, так хотели помочь бестолковой принцессе, что сыграть плохо просто не получилось бы.

Говорят, короля играет свита, моя «свита» увлеченно «играла» принцессу Анну, мне оставалось только визжать, когда надо мной шутили Пек и Альберт, восторгаться гримом и прическами, вздыхать, когда режиссер требовал «еще пару дублей», хотя на хлопущке уже стоял номер 38, и в перерывах заниматься клоунадой, чтобы хоть как-то отплатить за заботу и ласку окружающих.

Я буквально купалась во всеобщей любви и обожании, это ни с чем не сравнимое ощущение – счастья, потому что тебя любят все вокруг. До сих пор, стоит вспомнить, как мне помогали все и во всем, на глаза наворачиваются слезы. Перед каждым дублем я чуть отходила в сторону, чтобы сосредоточиться, мне нужно уйти от окружающей суеты, побыть одной, в такие минуты меня никто не трогал, даже старательно заслоняли от любопытных взглядов. Было ощущение, что съемочная группа вносила меня на площадку и уносила после выключения камеры.

Все, весь Рим, весь мир существовал ради Анны! И когда я играла сцену возвращения ее во дворец и беседы с наставниками, я говорила не о принцессе, а о себе: «...Если бы я не понимала в полной мере ответственности...» Я понимала, но в этот раз ответственности не боялась, хотя колени все равно тряслись перед каждой командой «Мотор!».

А какие придумки были у режиссера... Одна сцена с потерянной туфелькой чего стоит. Эта сцена задает тон всему фильму: уставшая от официальных мероприятий принцесса, пытающаяся хоть чуть облегчить жизнь, тайком снимает туфельку с правой ноги, чтобы размять пальцы, и... теряет ее. Нет, не совсем, туфелька просто падает набок, и нащупать ее ступней никак не удается.

Смешная ситуация грозит обернуться почти позором, потому что Анне предстоит открывать бал, танцуя в первой паре. К счастью, непокорную туфельку все же удастся вернуть на ногу, и весь вечер Анна терпеливо сносит неудобства, больше не рискуя облегчать себе существование.

У кого в подобной ситуации не возникнет желания просто сбежать?

Благодаря нескольким вот таким находкам побег принцессы из дворца не выглядит сумасбродной выходкой, зрители начинают сочувствовать бедной девушке еще в первой сцене, причем сочувствовать по-доброму.

Во время съемок в Риме стояла жуткая жара, но, когда мы с Пеком якобы после купания в Тибре совершенно мокрыми изображали дрожь от холода, одна из ассистенток позади камеры стояла с... одеялом. На вопрос: «Зачем?» – объяснила:

– Но они же замерзли...

И снова все смеялись, потому что из-за жаркой погоды группа откровенно завидовала нам, облитым из шланга. Но чувствовать, что о тебе, даже экранной, вот так заботятся, очень приятно.

А однажды Грегори накормил меня мороженым. Нет, не в кадре, а за кадром. Просто после съемки утащил куда-то на небольшую улочку в кафе и заставил весь стол вазочками! Я ахнула:

– Мне нельзя! Запрещено!

Пек лукаво подмигнул:

– А мы никому не скажем. Это будет наша тайна. Вы когда-нибудь воровали яблоки в чужом саду? Они куда вкусней тех, которые куплены.

– Но мне и правда нельзя, не потому, что запрещают, я сама не могу.

– По ложечке каждого, чтобы понять разницу вкусов.

Оно было действительно разным и безумно вкусным, а то, что скрыли от всех такое «преступление», сделало мороженое просто божественным.

Я не запомнила кафе, но какая разница, наверное, если бы это был просто хлеб, сама обстановка и атмосфера небольшого хулиганства придали ему особенную прелесть. Чем не принцесса, сбежавшая из дворца?

На следующий день снимали сцену с мороженым. Грегори лукаво подмигнул:

– Это наша тайна.

И стало весело, словно я ела не мороженое, а стащенное в соседском саду яблоко.

Сцену с проездом на мотороллере снимали целых шесть дней, нужно было не просто ездить, но и не покалечить никого, а главное, даже в сороковом дубле снова и снова испытывать восторг от возможности порулить под руководством Грегори Пека. Конечно, часть сцены снималась в павильоне, но мы ухитрились поехать по улицам, чтобы запомнить ощущение. Кажется, получилось; глядя на кадры с восторженной Анной, управляющей мотороллером, я не понимаю, какой именно дубль использовал Уайлер – первый или сорок восьмой.

Однако работы римской полиции мы задали немало, карабинерам пришлось охранять Рим от нас и нас от Рима. Грегори Пека узнавали на улицах, немедленно собиралась толпа туристок, страстно желающих получить автограф, это мешало, единственной возможностью оставалось проводить съемки на рассвете, тогда и естественный свет лучше, и народу на улицах меньше.

Не меньше, чем Грегори Пек, над моим скромным умением что-то изображать потрудились и Уильям Уайлер, которого все называли Вилли (в отличие от Билли Уайлдера). Еще Уайлера называли «невидимым режиссером», сняться у которого мечтали все. Мне повезло.

На площадке во время съемок актеры Уайлера разве что не ненавидели за десятки дублей, но постепенно к такой работе привыкали и после окончания «невыносимых» съемок мечтали попасть в его фильм снова и снова. Божественная Бэтт Дэвис во время работы сначала кляла Уайлера на чем свет стоит, а потом сознавалась, что больше всего боялась, что больше не придется у него играть. Мне пришлось, у гениального Уайлера я сыграла еще в замечательнейшей комедии «Как украсть миллион»! Даже если бы не было никаких других фильмов, хотя я обожаю многие из тех, в которых снималась, я все равно считала бы свою актерскую судьбу состоявшейся.

Уильяма Уайлера считали «актерским» режиссером, а еще ходили легенды о его любви к деталям и невероятном количестве снимаемых дублей. Все это правда, хотя, если посмотреть со стороны, съемки зачастую выглядели просто странно. Уайлер наблюдал за игрой актеров словно со стороны, потом коротко бросал:

– Снова!

И делался еще один дубль, потом еще один... и еще... и еще... При этом режиссер ничего не объяснял, а на вопросы актеров, что не так, отвечал коротко (даже божественному Лоуренсу Оливье):

– Паршиво. Я хочу, чтобы вы играли лучше.

Но как именно «лучше», что не устраивает в той игре, что есть, и чего хочет сам Уайлер, он никогда не объяснял. Говорят, Бэтт Дэвис однажды разозлилась:

– Вы сами не знаете, чего хотите!

Знаете, что ответил режиссер?

– Да, не знаю, но когда я это увижу, то сразу пойму, что это хорошо.

Дэвис говорила, что у Уайлера дьявольский глаз, он видел все недостатки, хотя никогда не мог внятно объяснить, что же не так, не считая, конечно, замечаний вроде:

– Бэтти, не вертите задом!

Обидеться на него было просто невозможно, потому что, вдумавшись, понимаешь, что именно вихляние бедрами портит весь образ.

Каким-то чудом Уайлер видел в любом актере его потенциал именно в той роли и умудрялся вытаскивать все, хотя и при помощи нескольких десятков дублей. У Вилли было прозвище «Уайлер – 90 дублей». В конце концов те, кто у него снимался, прощали эти самые 90 дублей, хотя и помнили о них, но, как и Бэтт Дэвис, прекрасно понимали, что таким способом режиссер добивался совершенства.

Иногда казалось, что это самое совершенство дается ему играючи. Грегори Пек рассказывал мне, что однажды Уайлеру понадобились кадры для рекламы нового фильма, а времени, как всегда, не хватало. И Уайлер, склонный неделями репетировать каждую сцену, выверять каждую деталь, сделал просто – перед входом в салун посадил собаку. Первый из выходивших ковбоев ее гладил (положительный герой), другой пинал ногой (отрицательный). Больше ничего объяснять не понадобилось.

Удивительно, но Уайлер до всего доходил сам, потому что никакому режиссерскому искусству не учился. Просто сначала задиристого, беспокойного мальчишку, выгнанного последовательно из нескольких школ за проказы, родственник матери взял с собой в Америку со словами «горе ты наше!». Дядей был Карл Леммле, один из тех, кто создал кино в Америке, но племянника он взял с собой вовсе не ради актерской карьеры, такое никому и в голову бы не пришло, стоило посмотреть на шуплого, невысокого, неказистого мальчишку.

Девушки неказистость Вилли вовсе не замечали, ему было достаточно улыбнуться своей щербатой улыбкой, и все сердца оказывались покорены. За камеру Вилли взялся почти случайно – у режиссера, которому он помогал, просто заболели зубы. Результат получился столь очевидным, что дальше Уайлер снимал уже самостоятельно. Все законы режиссуры он постигал на собственном опыте, а потому часто творил то, чего еще просто не бывало, очевидно, не зная, что так нельзя.

Видимо, так они с оператором Греггом Толлендом освоили технику съемки длинных дублей, это давало возможность играть словно на сцене – большими отрывками. Актерам, воспитанным только на площадке, это бывало неудобно, они привыкли эмоционально выкладываться на пару минут, а потом давать себе отдых. Мне наоборот, я была воспитана в «Жижи», еще не успела отвыкнуть от требований Кэтлин Несбитт и потому чувствовала себя как рыба в воде. Наверное, это тоже помогло освоиться на съемочной площадке. Принцесса Анна была не первой моей ролью, но разве можно сравнить появление в кадре на шесть секунд с одной-единственной фразой «Не желаете купить сигареты?» с целой большой ролью? И бесконечные дубли меня тоже не слишком ужасали, потому что повторение каждой сцены десятки раз привычно для театра.

В общем, все настолько счастливо сложилось, что я не устала от требований Уайлера, поверила в себя и в то, что смогу стать настоящей актрисой.

Уайлер божественный, все, что он ни делал, достойно только удивления. У Вилли я снималась в двух искрометных комедиях – «Римские каникулы» и «Как украсть миллион». Но ведь он снимал и совсем иные фильмы. В следующем после «Каникул» году Уайлер сделал роскошного «Бен Гура», и фильм получил немыслимое количество «Оскаров». А первую статуэтку Вилли получил за «Миссис Минивер» – экранизацию одноименного романа Джеймса Хилтона. Этот фильм о жизни простой английской семьи во время войны был снят очень вовремя – в 1942 году. Он получился настолько реальным и действенным, что даже Геббельс назвал «Миссис Минивер» лучшим образцом пропаганды.

В фильме есть сцена проповеди священника на развалинах храма, оставшихся после бомбардировки. Текст проповеди написал сам Уайлер, он оказался настолько впечатляющим, что по указанию Черчилля его напечатали во многих журналах и даже в виде листовок распро-

страняли на оккупированных территориях. Представляете мое изумление, когда я осознала, что изумительный текст, который я читала еще девочкой в оккупированном Арнеме, создан вот этим человеком, который снимает озорной фильм о сбежавшей из дворца принцессе! Я чуть не сорвала следующую сцену, никак не удавалось переключиться с мысли об Арнеме и строгих словах проповеди на веселье Анны. Сам Уайлер, узнав причину моего столь странного поведения, явно смутился, но ничего объяснять не стал. Ну, сделал и сделал...

А еще одного «Оскара» Уайлер получил за документальный фильм «Мемфисская красота» об американских бомбардировщиках Второй мировой войны. И снова работа Уайлера была столь своевременной, что по распоряжению президента Рузвельта фильм бесплатно демонстрировали в большинстве кинотеатров США. Кстати, Вилли летал на настоящие бомбардировки, его товарищ по съемкам был убит, а часть самолетов сбита фашистами... У Уайлера был даже орден Почетного легиона!

Он вообще все делал по-настоящему, что мне очень нравилось. В фильм «Лучшие годы нашей жизни» Уайлер взял на главную роль непрофессионального актера – Хэролда Рассела, инвалида, потерявшего обе руки во время войны! И актерам пришлось играть так, чтобы соответствовать настоящему солдату: разве можно схалтурить, если в одной из сцен герой Рассела показывает друзьям, как научился играть на рояле крючками, заменяющими ему руки?! Фильм получил семь «Оскаров», один из них был вручен Хэролду Расселу. Когда солдат принимал его своими крючками, зал плакал, стоя. Аплодисменты зазвучали только через несколько мгновений, но продолжались очень долго.

Ужасно, но я ничего этого не знала, когда соглашалась сниматься у Вилли Уайлера! О его требовании настоящей игры я вспомнила, когда позже снималась в «Истории монахини», Циннеман научил меня такой игре, но первый опыт я получила, общаясь с Вилли Уайлером.

Уайлер ненавидел студийные закоулки и обожал съемки на натуре, потому для него возможность расположиться со своей камерой прямо на улицах Рима была настоящим подарком, для меня тоже. Я не слишком люблю искусственный лес или нарисованные здания, хотя сниматься в павильоне, конечно, удобней.

Посудите сами, насколько мне повезло – в первой же большой роли попасть в такое окружение – стать партнершей божественного Грегори Пека, сниматься у Вилли Уайлера, попасть в руки Альберто и Грации де Росси, быть одетой гранд-костюмером Эдит Хед и быть опекаемой всей съемочной группой. Разве я могла не сыграть отлично? Просто не имела права не сделать этого.

Но я все равно еще не была актрисой, научиться этой профессии за полгода просто невозможно. Конечно, я знала, что такое мизансцена или дубль, понимала, что означают те или иные команды на площадке, но категорически не умела плакать перед камерой. Я страдала, мучилась, по-настоящему переживала, только вот слезы из глаз течь не желали. Сказалось мамино воспитание: «Леди не могут позволить себе слез на людях!»

Мне нужно рыдать, прощаясь с Грегори Пеком, глицерин выглядел неестественно, а своих слез не было, хоть убейте.

Я помню гнев Уайлера после очередного испорченного дубля. Он был вне себя:

– Сколько мы будем ждать твои эмоции?! Ты будешь плакать, черт возьми?! До сих пор не научилась играть!

По-моему, его крик слышал весь Рим, вокруг притихли, а у меня из глаз просто брызнули слезы. Дубль сняли быстро, Уайлер обнял меня, всю зареванную, и быстрым шагом удалился с площадки. С тех пор, если мне нужно заплакать, я вспоминала крик режиссера.

Дельный совет подала Грация:

– Когда нужно заплакать, достаточно вспомнить, что съемки не вечны и довольно скоро закончатся.

Удивительно, но это был стоящий повод для слез. В следующем фильме «Сабрина» я не могла дожидаться окончания съемок, а в то лето с грустью считала дни, остающиеся до конца сентября – окончания съемок по графику. Счастье имеет свойство быть таким коротким... или продолжаться всю жизнь!

Во время съемок мы все потратили немало нервов, но я все равно всегда считала «Римские каникулы» 1952 года самым замечательным временем. Столь душевных съемок больше не было, даже когда мы снимали великолепный «Завтрак у Тиффани» или «Забавную мордашку». Может, сказывалась молодость и неопытность, но скорее всего партнеры. Такой дружбы, как с Грегори Пеком, у меня не случилось ни с кем. Он не просто наставник, он настоящий друг, готовый принять и простить любой промах, помочь его исправить, готовый защитить, подставить плечо, закрыть от чужих глаз, когда хочется реветь вовсе не по сценарию, а оттого, что не получается, как надо.

Нам с Грегори приписали любовные отношения. Это была глупость, я смотрела на него, как на бога, а он на меня, как на настоящую принцессу, случайно затесавшуюся в киношный мир. Я очень рада, что Грегори воспринял-таки меня серьезно, и дружба сохранилась на десятилетия.

Виноватой в журналистской болтовне оказалась я сама. На вопрос, влюблена ли я в своего партнера, как Анна в Джо Брэдли, я с удовольствием ответила, что да, разве можно не любить такого партнера! По легкому волнению среди журналистов поняла, что сказала что-то не то, быстро добавила, мол, если партнеры играют влюбленность, это очень трудно делать с тем, кого не переносишь на дух... Я говорила что-то в этом роде, невольное признание подхватили, раздули и превратили в упорный слух о нашем романе.

Не было никакого романа, была просто наставническая дружба опытного, талантливого актера и начинающей глупышки. Правда, и сам Грегори подлил масла в огонь, он высказался в том же духе, мол, меня было очень легко любить. Журналистов хлебом не корми, дай обсудить такие заявления! И ничего, что сам Пек был страстно влюблен в Вероник Пассани, ставшую потом его второй женой.

Конечно, мы были влюблены на площадке и рядом с ней, ведь там мы были Анной и Джо. Сам Грегори относился к сплетням спокойно, это научило и меня смотреть на болтовню сквозь пальцы, но я все же стала осторожней в высказываниях. Вот когда пригодились уроки мамы: «Леди должна быть сдержанна и ни в коем случае не болтать лишнего».

Сплетни повлияли на наши отношения с Джимми Хенсоном.

Но хватит о грустном... В «Римских каникулах» куда больше веселья, даже притом, что финал печальный. Зато реалистичный. Американского зрителя такой финал просто обидел: как это, американский репортер, да еще и такой красавец, как Грегори Пек, не получает свою девчонку в качестве приза?! Ишь, принцесса выискалась! Вечно в этой Европе кичатся своим происхождением!

Удивительно, что Америка простила мне вот такой «страшный», по мнению зрителей, проступок. Они решили, что принцесса вернулась в неволю от столь замечательного парня, как Джо Брэдли в исполнении Пека, не по своему желанию. Бедная крошка, ей надо бы жить в Америке, а не в Европе, американцам наплевать на всякие королевские заморочки...

Грегори Пек удивительный, божественный не только актер, но прежде всего человек. Так считаю не только я, недаром он несколько лет был президентом Американской киноакадемии и его удостоили почетного «Оскара» за вклад в киноискусство и гуманитарную деятельность и наградили медалью Свободы – высшей наградой, которой удостоиваются гражданские лица в США. Сам Грегори говорил, что он вовсе не добрый дядюшка, а просто принимает участие в том, во что верит. Он всегда был против войны и насилия, я не умела вот так, как Пек,

но его сила даже на расстоянии помогала мне вынести многое, через что я прошла, будучи послом доброй воли ЮНИСЕФ. Это было много позже съемок «Римских каникул», а тогда я еще была начинающей актрисой, как и сбежавшая принцесса Анна, познающей прекрасный мир вокруг...

Кстати, у Грегори я научилась еще одному: он очень не любил, когда «черновую» работу делали дублеры, а потому практически все трюки выполнял на съемках сам. Иногда из-за этого сильно доставалось его партнерам. Некрасиво было бы выставлять против Пека вместо себя дублера, потому и остальные актеры дрались сами, а заодно получали от физически сильного Грегори по зубам сполна, он не признавал ничего половинчатого! Я тоже старалась делать работу сама, в съемках «Непрощенной» это привело к падению со вставшего на дыбы коня Дьявола, а в результате повреждению двух позвонков, перелому четырех ребер и в конце концов рождению мертвого ребенка. Не всегда следование примеру более сильных доводит до добра.

А еще Пек, не желая каких-то осложнений на площадке из-за несогласия с режиссером или партнерами, умел необходимо отказываться от роли. Да, это лучше, чем играть, сцепив зубы и глядя в сторону. Грегори почему-то не хотел играть с Мэрилин Монро, его заменил Ив Монтан и стал известным... Но Пеку известности хватало и без того.

Грегори Пек божественный! Со мной согласятся все, кто хоть раз видел его на экране, а особенно те, кому посчастливилось встретиться с ним в жизни.

Мы чувствовали, что фильм удался. Предстояли еще озвучание и монтаж, но «Парамаунт» уже запустила рекламную кампанию. Газеты пестрели кадрами из фильма и нашими портретами.

Грегори твердит, что это он предложил поставить в титрах и рекламе мое имя рядом со своим, мол, я сыграла не меньше как на «Оскара». Уайлер заявляет свое авторство. Как бы то ни было, в афишах действительно стояли наши имена отдельно от остальных. Правда, теперь я уже не возмущалась, как с «Жижи», понимая, что фильм и роль удались.

Грегори оказался прав: за роль Анны в фильме «Римские каникулы» я получила «Оскара»! А еще золотую статуэтку получила Эдит Хед за замечательные платья для принцессы Анны... Сам Грегори Пек получил «Оскара» за роль Аттикуса Финча в фильме «Убить пересмешника». Удивительнейший фильм и божественно сыгранная роль моим большим другом!

Роль сбежавшей принцессы принесла мне «Золотой Глобус» и множество других наград. Зато расторгла помолвку. Конечно, виновата не роль, а мы с Хенсоном, но факт остается – в Америку снова играть Жижи я вернулась уже свободной.

Джеймс Хенсон

Несостоявшийся брак с принцем на белом коне

Еще в самом начале 1951 года проходили съемки «Секретных людей», где я играла роль юной Норы Бретано. Взрослую Нору играла Валентина Кортезе, ее любовника – Серджио Реджани. Это был мой первый киношный опыт игры с великими актерами, мне еще предстояла встреча с Грегори Пеком, но пока об этом было известно только на небесах.

Тогда я значилась как третья девушка слева во втором ряду и похвастать чем-то серьезней ролей продащиц сигарет не могла. На Нору меня взяли только за способность изображать несостоявшуюся балерину.

Для меня самым бесценным стал именно опыт игры Кортезе и Реджани. Я не снималась с ними ни в каких эпизодах, но на площадке бывала рядом и видела их стиль общения вне круга, очерченного софитами. И Валентина, и Серджио не допускали вторжения журналистов в свою личную и семейную жизнь.

Кортезе сокрушалась, что актерам Голливуда редко позволяют жить собственной жизнью вне экрана, актеры становятся рабами публики и должны делать все, что та ни потребует, и в личной жизни тоже. Мне она посоветовала не заключать долгосрочных контрактов, потому что свобода в жизни ценней всего.

Я впитывала слова примы, как губка воду, вот только о долгосрочных контрактах тогда речь не шла. Я не догадывалась, что мое небесное облако уже вплотную подплыло к тому месту, где я стою. Весной 1951 года началась полоса моего везения длиной в целую жизнь.

Наверное, я не права, мне везло всегда и во всем, ведь не погибла же я при бомбежках, не попала в концлагерь, не была арестована во время походов с заданиями, не умерла от голода... Не стала балериной? Но это значило только то, что я должна стать актрисой. Только вот выяснилось это позже.

С весны 1951 года в моей жизни действительно начало происходить что-то невообразимое, приведшее меня на Бродвей и съемочную площадку «Римских каникул», чтобы вести дальше.

Однако первым небеса доставили мне потрясение в личной жизни – я встретила Джеймса Хенсона. Или он меня.

Это случилось на коктейле по поводу «Секретных людей». Устраивая разные встречи и вечеринки, руководство студии просто привлекало к актерам и будущим фильмам внимание публики, причем часто публики состоятельной. Конечно, я понятия не имела, что это за рослый светловолосый красавец в элегантном костюме и с ослепительнейшей улыбкой.

Красавец оказался еще и весьма галантным, он мгновенно вскружил мне голову, хотя сам Джимми утверждал, что это я ему вскружила. Согласна, вскружили взаимно. Джеймс был настоящим принцем на белом коне, но сначала я вовсе не рассматривала его как потенциального супруга, слишком велика разница в финансовом положении, дело в том, что Хенсоны были до неприличия богаты. Семейный бизнес, начавшийся производством грузовиков, успешно перерос в перевозки по всему свету.

Миллионер Джеймс имел славное прошлое – во время войны был офицером, активно занимался спортом и... слыл завзятым ловеласом, в списке побед которого числились Ава Гарднер и Джин Симонс. Честно говоря, мне было почти наплевать и на его миллионы, и на его любовные победы, мне понравился сам парень. Вернее, Джимми было уже тридцать, и его семья считала, что вполне пора остепениться. Сам Хенсон пока так не считал.

Позже я не раз вспомнила совет Кортезе: не заключать никаких долгосрочных сделок. Но моя уже была заключена, мне надо было на что-то жить, оплачивать счета, а потому я просто обязана работать. В балет не взяли, танцевать в кабаре бесперспективно, пришлось сниматься,

хотя за время съемок «Секретных людей» мои розовые очки заметно потускнели, я поняла, что кино тяжелый, изнурительный и часто неблагодарный труд.

Джеймса мой контракт с киностудией не испугал, пока он не собирался делать меня миссис Хенсон, значит, я могла танцевать на съемочной площадке сколько угодно. Я ожидала, что меня ждут именно такие роли – танцевальные, и не надеялась ни на что другое.

Мама от появления в моей жизни аристократа-миллионера Джеймса Хенсона была в восторге. Я понимала ее: лучше стать миссис Хенсон, чем всю жизнь изображать прислугу или мебель в третьесортных фильмах. Она никогда не верила, что у меня есть актерский талант, вернее, речи об актерстве просто не шло, а путь в балет был закрыт.

Что-то у меня получается невеселое повествование. Но в те годы жизнь и правда была не слишком легкой, мама осталась без работы, и я хваталась за все подряд, любые роли, только чтобы иметь возможность оплачивать счета.

А повествование невеселое еще и потому, что сегодня мне хуже обычного... Не хочется просить увеличивать дозу обезболивающего, я понимаю, что время заставит сделать это, и чтобы не стать совсем зависимой от лекарств и не превратиться в бессловесное растение, я предпочитаю терпеть боль.

Джеймс был очарователен, ухаживал просто замечательно, довольно быстро объяснился в любви и попросил моей руки. Я до сих пор гадаю, что заставило маму сказать:

– Только не назначай пока день свадьбы.

Что она чувствовала? Сама мама говорила, что ничего особенного, просто хотелось понять, что намерения Джимми серьезные, удостовериться, что он уже остепенился, как того страстно желало все семейство Хенсонов. Мне было двадцать два, ему тридцать, самое время пожениться, но я послушала маму. Мы решили повременить с помолвкой.

Это оказалась судьба.

Согласно контракту я поехала в Монте-Карло играть роль безалаберной няньки, отдавшей младенца «не тому» и теперь выпутывающейся из дурацкой ситуации. Мама отправилась со мной, Джимми остался в Лондоне. Он то и дело звонил, напоминая о своей любви и моей верности, я клялась, что ничегошеньки, кроме роли, не вижу и никого, кроме противных партнеров, не замечаю. Партнеры вовсе не были противными, но Джимми так спокойней.

А потом была та самая нечаянно счастливая встреча с Колетт и предложение играть Жижи на Бродвее. Джимми не противился, у него был бизнес в Торонто, который заставлял проводить много времени в Канаде, мое проживание в Нью-Йорке жениха вполне устраивало.

Он примчался в Нью-Йорк следом за мной и едва не сорвал все репетиции «Жижи», мы напропалую гуляли ночами в принадлежавшем их семейству ресторане, после чего я появлялась на утренних репетициях в театре с мешками под глазами и страстным желанием не слушать реплики партнеров, а просто спать! Если бы не Джильберт Миллер, устроивший мне громкую выволочку и почти посадивший под домашний арест, я провалила бы роль, зато наверняка стала бы миссис Хенсон.

Принесло бы мне это счастье? Не знаю. «Жижи» состоялась, миссис Хенсон я так и не стала.

После первого успеха «Жижи» я отправилась в Рим, покорять киношный олимп, то есть сниматься в «Римских каникулах». Джеймс, хоть и был недоволен, скрепя сердце согласился. И то после того, как я согласилась на публикацию объявления о нашей помолвке.

– Мы должны пожениться этим летом!

– Осенью, Джимми, летом я снимаюсь в Риме.

– А осенью ты поедешь с «Жижи» в тур по Америке.

– Но между съемками и туром как раз будет время!

Сейчас я пытаюсь вспомнить, действительно ли верила, что между съемками и турне со спектаклем у меня будет время, чтобы осчастливить семейство Хенсонов вхождением в него, или я кривила душой. Боюсь, что второе. Я-то уже знала, что съемки никогда не идут по графику, а после того, как от аплодисментов заключительного спектакля «Жижи» в театре Фултона до самолета в Париж у меня осталась всего пара часов, могла бы сообразить, что не больше мне дадут и на обратный путь.

Сниматься в Рим я улетела в статусе невесты мистера Джеймса Хенсона, что дало право мистеру Хенсону вмешиваться в график съемок. Это было ужасно! Я никак не могла объяснить Джимми, что на площадке вовсе не звезда, а почти беспомощная девчонка, что ни о каких требованиях не может быть и речи, что я ловлю каждое слово режиссера и партнеров и думаю вовсе не о сроках окончания съемок, а о том, чтобы сыграть как можно лучше. Джеймс, который много времени проводил в Риме и серьезно мешал моему настрою, однажды даже вспылил:

– Ты думаешь обо всем и обо всех, кроме меня! Тебе дороже студия, режиссер, твой Грегори Пек! Одри, тебе придется выбирать между мной и ими.

Я понимала, что рано или поздно это будет произнесено. Если бы Джеймс заставил меня выбирать во время съемок «Секретных людей», я бы с удовольствием выбрала его и, закончив последний дубль, поставила крест на актерской карьере. Но теперь у меня были Жижи и «Каникулы», у меня были Кэтлин Несбитт и Грегори Пек, и я боялась, что выбор будет не в пользу Хенсона.

Видимо, он тоже это понял, но продолжал настаивать, Джеймс не мог отдать свою добычу «этим акулам Голливуда». Ему категорически не нравился хаос, царящий на площадке, не нравилась резкость, с которой порой, совершенно этого не замечая, разговаривают участники съемок, просто, когда делается общее дело, не всегда и не у всех достает сдержанности, чтобы быть вежливыми.

– Как ты можешь позволять на себя кричать?!

– А как еще Уайлер мог заставить меня заплакать?

Нет, Джеймс не произнес: «Это твой последний фильм», но в его глазах и том, как Хенсон выпятил волевой подбородок, читался именно такой вердикт. Я понимала, что Джеймс просто оплатит неустойку киностудии, если я откажусь сниматься в следующем фильме, который для меня подберет «Парамаунт».

Господи, куда делся терпеливый, вежливый Джеймс, готовый на все, только чтобы не мешать мне заниматься любимым делом?

– Какое дело, Одри? Я никогда не наблюдал за съемками, но теперь, увидев, что творится на площадке, категорически против того, чтобы тебя так эксплуатировали на съемочной площадке.

– Но, Джеймс, я связана контрактом...

– Съемки можно закончить к началу сентября, если только твой Уайлер не будет делать по двести пятьдесят дублей.

– Я не могу контролировать съемочный процесс.

– Зато я могу!

Я умоляла его не вмешиваться. Мы часто и подолгу спорили, а потом утром, когда я приходила на съемочную площадку, Грегори Пек, понимая, что со мной что-то не так, смешил, и начиналась работа, во время которой я напрочь забывала о требованиях Джеймса и слышала только требования Уайлера:

– Еще дубль!

Конечно, мы не успевали, съемки затягивались, Джеймс нервничал, требовал сократить, закончить к середине сентября, чтобы мы смогли вылететь в Лондон на свое бракосочетание. Я тоже нервничала и злилась, тем не менее стараясь сохранять хотя бы внешнее безмятежное спокойствие.

Эта безмятежность злила Джеймса еще сильнее:

– Кажется, эта свадьба нужна только мне и тебя не касается? Не слишком ли ты вжилась в роль принцессы?

Хотелось крикнуть:

– Джеймс, пощади! Чем больше ты теребишь меня, тем труднее сниматься, а я нужна в каждой сцене, если я не в форме, остальные тоже ничего не смогут сделать.

Сам того не сознавая, Джимми вместо сокращения, наоборот, затягивал съемочный процесс. А мне самой с каждым днем все меньше хотелось, чтобы работа закончилась, настолько отличалась суматошная, сумасшедшая, но счастливая обстановка на съемках от дома.

В конце концов Хенсон получил заверения, что все закончится 25 августа. Он тут же выпустил пресс-релиз о нашей предстоящей свадьбе 30 августа в Йоркшире.

Но никому и никогда еще не удавалось соблюсти график съемок, тем более на натуре. Никакого 25 августа, конечно, не получалось, находилась масса причин, по которым все затягивалось день за днем, последним днем по графику названо 30 сентября! Согласно контракту я должна приступить к репетициям возобновленной «Жижи» 1 октября. Нечего сказать, веселенькая складывалась ситуация, у меня не получалось не то что медового месяца, но и медовой ночи.

Я пыталась обратить все в шутку, но Джимми разозлился уже по-настоящему. Масла в огонь подлила мама, видно, желая подтолкнуть меня к решительным действиям и прекращению съемок. Она прислала пару лондонских газет, на фотографиях в которых Джимми был запечатлен в компании красивых девушек – актрис и просто светских знакомых.

Что она хотела этим сказать? Что я могу потерять жениха, пока работаю? Надеюсь, что я брошу сниматься и помчусь к Хенсону в объятья? Добилась только противоположного. Когда Джимми в очередной раз нанес визит съемочной группе, я положила перед ним эти газеты. Джеймс просто пожал плечами:

– А что я должен делать, пока ты снимаешься, сидеть рядом с твоим Уайлером на стуле и наблюдать, как вы с Пеком целуетесь? Уволь. С меня достаточно сплетен о вашем с ним романе не только на площадке. Ты предпочитаешь, чтобы я не жил с тобой вместе в Риме, я развлекаюсь в Лондоне, как могу.

– Джимми, если мы будем жить в Риме вместе, то я не смогу сниматься и все затянется еще на полгода. С Грегори я целуюсь только потому, что это нужно по роли, он влюблен в другую. Я не могу ни прекратить съемки, ни отложить их сейчас, когда снято уже почти все.

Я говорила еще что-то, уже не помню что, пыталась убедить, что эта работа важна для меня, что я стала пусть не настоящей актрисой, но чему-то научилась, я могу играть и счастлива этим...

– А потом будет турне со спектаклем... а потом еще какой-нибудь потрясающий фильм... и снова спектакль, в котором не играть ты не сможешь...

– Но ты же знаешь, как принимают «Жижи»!

Несколько секунд он молча смотрел на меня, а потом вдруг хлопнул по коленке со словами:

– Или 30 сентября, или никогда!

По настоянию Джимми в Риме мне сшили свадебное платье, хотя руководство «Парамаунта» объявило, что все наряды принцессы Анны из «Римских каникул» остаются у меня в качестве свадебного подарка, и я могла бы венчаться в роскошном парадном платье из фильма.

Положение было ужасным. Назначен день свадьбы, приглашены две сотни гостей, и еще ожидалось не меньше любопытствующих и репортеров, в Хадерсфилд в Йоркшире начали приносить подарки, моей подружкой согласилась стать дочь американского посла Шарон Дуглас...

А у меня продолжались «Римские каникулы», и я никак не могла показать на площадке свое истинное состояние, когда хотелось просто биться головой о стену.

Но в конце концов я вдруг... успокоилась. Что ни делается, все к лучшему! Если я не успею на собственное венчание, значит, не судьба мне быть миссис Хенсон! Честное слово, от этого решения стало вдруг так легко и хорошо, что я играла дубль за дублем, даже не задумываясь о том, двадцать пятый он или уже пятьдесят восьмой. Все верно, обвенчаться можно в любой день и в любой церкви, а «Римские каникулы» случаются раз в жизни даже у принцесс, не говоря уж о начинающих актрисах!

Когда все закончилось, времени у меня было ровно столько, чтобы добраться до Лондона и пересесть на другой самолет, отправляющийся за океан, чтобы начать спешные репетиции восстановленной «Жижи», там тоже ждала труппа и был строгий график гастролей. Не до собственной свадьбы!

Честное слово, я понимала жуткое состояние Джимми, ему предстояло объясняться с толпой приглашенных и репортеров, возвращать непринятые подарки, как-то оправдываться перед семьей... Но что я могла поделать? Я – актриса, хотя еще и не слишком уверенная в себе, с этим приходилось считаться. Уайлер на прощание сказал, что я могу стать одной из величайших кинозвезд мира. Конечно, я понимала, что главное в этой фразе «могу», это не значило, что обязательно стану, но разве можно отказаться от такой возможности?

У нас не состоялось венчание ни 30 сентября, ни позже. Мы попытались сделать хорошую мину при плохой игре, объявили всем, что пока не имеем времени на венчание, решили пожениться в течение трех последующих месяцев, потому что не хотим, чтобы медовый месяц проходил в гостиницах на моих гастролях.

И оба понимали, что ничего этого не будет. Джеймс требовал, чтобы я предпочла семью работе, еще год назад я бы так и сделала, но тогда, уже попробовав на вкус успех в «Жижи» и на съемочной площадке, осознав, что я могу больше, я была не способна отказаться от актерской стези.

В Нью-Йорке Джильберт Миллер прямо из аэропорта отвез меня на репетицию «Жижи», нам пора было уезжать на гастроли.

Моя дорогая Кэтлин Несбитт все поняла с первого взгляда:

– Выбрала работу?

Я вздохнула:

– Кэтлин, кажется, я потеряла Джеймса Хенсона...

– Зато ты нашла себя. Не думаю, чтобы вы очень любили друг друга.

– Почему?

– Если бы любили, то обвенчались бы прямо здесь, а не выбирали день и не ждали толпу гостей с подарками. Тебе нужны их подарки?

– Нет!

– Тогда мысленно махни на все рукой и лучше расскажи о работе с Уайлером и Пеком. Говорят, вы хорошо сыгрались?

– О... это был полный восторг!

Конечно, я не могла просто так махнуть рукой, но, подумав, решила, что Кэтлин права, если бы мы действительно любили друг друга, то никакие свадебные торжества были бы не нужны. А может, и хорошо, что так получилось?

Теперь-то я знаю, что хорошо...

Джеймс Хенсон прекрасный человек, он красив, элегантен, безумно богат, но я бы не смогла быть просто миссис Хенсон, зная, что могу быть актрисой Одри Хепберн, думаю, что, произойди наше венчание в сентябре 1952 года, мы бы все равно разошлись. А так разошлись

невенчанными, Джеймс стал очень успешным бизнесменом, приумножив фамильные миллионы, а я... я получила за «Римские каникулы» «Оскара»! Каждому свое.

Я так подробно вспоминаю свои отношения с Джеймсом, потому что они ярко высвечивают семейные проблемы актеров. Не одна я оказалась в таком положении. Грейс Келли отказалась от карьеры, хотя могла быть завалена «Оскарами», потому что красавица и играла прекрасно, зато она нашла счастье в семье и стала образцом для многих дам.

Жена-актриса, да еще и снимающаяся в фильмах по всему свету... такое не каждый выдержит, вернее, точно могу сказать, что не выдержит ни один мужчина, который к кино не имеет никакого отношения. Актерский труд очень тяжел, а на съемках тем более. Если не отдавать роли все душевные силы, ничего путного из такой игры не выйдет. Если отдавать, то опустошение столь велико, что их на семью остается мало. При этом должна быть настоящая поддержка со стороны семьи, в первую очередь мужа. Разрываться между домом и такой работой очень тяжело.

Я никогда не стала бы актрисой, стань миссис Хенсон, даже если бы Джеймс не мешал мне играть, как обещал в самом начале, просто на обе роли меня не хватило бы. Получается, актрисы должны выходить замуж только за актеров или людей, близких к кино? Но второе замужество с Мелом Феррером показало, что и тут не все просто... Может, это мне не повезло или я не сумела стать хорошей женой?

«Оскар», «Тони» и... множество проблем Подарок судьбы или наказание?

Пересмотрела фотографии, сделанные во время получения «Оскара», и ужаснулась. В те дни я выглядела немногим лучше, чем сейчас. Но сейчас у меня последняя стадия рака и жить осталось совсем чуть, а тогда я была молодой и должна быть цветущей женщиной. Но на изображениях тощая, вымотанная, взъерошенная особа.

Да уж, к февралю 1954 года я явно не была в хорошей физической форме. Впрочем, это неудивительно...

Если кто-то думает, что премии вроде «Оскара» или театральной «Тони» – это манна небесная, то очень ошибается. Чтобы их получить, нужен большой труд, но куда более тяжкий труд предстоит после получения.

Наверное, если бы такое признание пришло, когда я имела опыт множества сыгранных ролей, работы с разными режиссерами и партнерами на площадке и сцене, было бы легче. Но я еще не стала актрисой, зато понимала, что стала звездой. Теперь от меня в каждой роли, каждом выходе на сцену ожидали не меньшего успеха. И не оправдать ожидания нельзя.

Знаете, это словно тебе нарисовали на стене черту и велели непременно вырасти до нее за лето, а как это сделать, ты не знаешь, остается вставать на цыпочки. Но ведь все время стоять на носочках тяжело даже балерине... Да, я уже перебирала сценарии, не соглашаясь играть все подряд, например, японку. Сам сценарий был великолепен, но какая из меня японка? Смешно...

Если бы мне снова встретился Грегори Пек даже вместе с пятьюдесятью дублями Уайлера, я бы справилась легко, но у меня был требовательнейший Мел Феррер с «Ундиной», и следующим фильмом стала тяжелейшая «Сабрина». Тяжелой была не роль, и режиссер Билли Уайлдер замечательный, он не делал дубли сотнями, как Уильям Уайлер, но съемки эмоционально выдались очень тяжелыми.

Но сначала был все-таки национальный тур с «Жижи» и успех «Римских каникул»!

Нам рукоплескала вся Америка.

В Чикаго из Торонто приехал Джимми Хенсон. Его ярость из-за сорванного венчания поостыла, и мы смогли поговорить спокойно. Наше положение публичных людей требовало объяснить причину несостоявшейся свадьбы. Объяснение вышло сухим, но позже я поняла, что именно таким оно и должно быть: наша работа требует... мы решили пока пожить врозь... возможно, позже... решим и обязательно сообщим...

Мама, как обычно, была права, советуя не назначать день свадьбы. Этим шумом я привлекла к себе столько ненужного внимания! Ах, сорванная свадьба! И с кем, с Джимми Хенсоном – женихом, о котором может только мечтать любая (ну, почти любая) девушка. Молод, красив, безумно богат, не зануда – и вдруг такой разрыв. Поползли слухи, что Хенсон не раз устраивал скандалы на съемках...

Вывод напрашивался сам собой: у Одри роман, безумная страсть, и нечего валить все на загруженность на сцене и съемочной площадке. С кем роман? С кем еще он может быть, если Хепберн снималась с Пеком, а тот разводится с женой, к тому же мы оба признались, что на площадке относились друг к другу с большой теплотой. Знаем мы эту теплоту...

От вселенского скандала меня спасло только одно: я еще не была известной, а у Грегори Пека такая репутация, что испортить ее просто невозможно.

Зато урок получила прекрасный, усвоила и отныне постаралась закрыть свою личную жизнь от репортеров. Я понимаю, им нужны заработки, но нам тоже хочется жить, причем спокойно. В те времена актеры и актрисы не выставляли свои семейные скандалы на всеоб-

щее обозрение, не выносили мусор к соседям, напротив, старались скрыть личные неурядицы, достаточно и рабочих.

С кого началась мода жить на виду? Пожалуй, с Мэрилин Монро и тех, кто работал с ней. Представляю, как ей тяжело: каждый шаг под прицелом множества камер, каждое слово записывается. Нет, я спокойней, для меня съемочная площадка и моя жизнь не одно и то же. Наверное, хорошо, что у меня первые же божественные партнеры в фильмах и спектаклях оказались такими сильными, что приходилось изо всех сил вставать на цыпочки, чтобы до них дотянуться, поэтому мне было не до звездности.

Кроме того, хорошую прививку против звездной болезни я получила от мамы. Ее строгая оценка иногда выбивала из колеи, зато не позволяла улететь в облака. Говорят, падать оттуда слишком больно. Я даже сейчас, сыграв в стольких фильмах, получив столько наград и, главное, будучи оценена столькими божественными партнерами по съемкам, все же не считаю себя настоящей актрисой. Мои партнеры, режиссеры, все, кто помогал сниматься, научили играть, но до совершенства немыслимо далеко. К сожалению, моя жизнь коротка и не во всем удачна, я уже не успею ничего исправить. Но если бы каждый мог исправлять что-то в своей жизни, переигрывая ее набело, она стала бы неинтересной. Нет, моя жизнь – это моя жизнь, такая, как есть, со всеми ее ошибками и недочетами, удачами и находками, но главное, с моими любимыми, моими друзьями, моей работой.

Однажды дотошные журналисты спросили Питера О’Тула, не кажется ли ему, что карьера не совсем удалась. Питер ответил: «Зато удалась жизнь». Он прав, жизнь важнее.

Тогда я не задумывалась над этими вопросами совершенно, было некогда. Мы репетировали и репетировали сначала «Жижи», потом уже с Мелом Феррером «Ундину» – тяжелейший для меня спектакль, после которого я заявила, что никогда больше играть в театре не буду! Трудно было не играть, а разрываться между указаниями режиссера и моего Мела. Утром на репетиции от режиссера и партнеров я слышала одно, вечером от Феррера другое. Ссориться не хотелось, я пыталась всех примирить, из-за этого выходило только хуже.

Продолжалась и работа в кино, на студии «Парамаунт» решили, что упускать мою растущую популярность просто грешно.

В это время у меня проходила одна из труднейших съемок в жизни – в «Сабрине». Прочитав пьесу, я сама напросилась играть, в «Парамаунте» сочли роль идеальной для меня, купили право на экранизацию, и закипела работа. Она кипела до самого последнего мгновения, но что это было за зелье! Работа никому из участников не принесла ни радости, ни простого удовлетворения. Не будь жестких контрактов, наверное, каждый с удовольствием прервал бы работу.

Еще до съемок мне разрешили съездить в Париж, чтобы посмотреть, что же носят в Европе, и подобрать гардероб для «Сабрины» самой у кого-нибудь из парижских модельеров. Это был весьма рискованный шаг, если вспомнить, что костюмы полагалось создавать все той же Эдит Хед! Мне очень хотелось в Париж, и не просто Париж, а к определенному модельеру. Все, что я видела из работ молодого Юбера Живанши, приводило в восторг, он создавал свои костюмы и платья именно в том стиле, который так нравился и так шел мне!

Но как уговорить Эдит? Ссориться с ней совершенно ни к чему...

Я пошла на небольшую хитрость: приехав в Сан-Франциско, как кошечка, подластилась к ней, умоляя показать местные магазины и посоветовать, что именно купить для себя. Конечно, умная Эдит почувствовала подвох, но не устояла. Мы перемерили все, что только было возможно, от шуб до купальников. Вернее, мерила я, а Эдит давала советы, время от времени я интересовалась:

– А это пошло бы для Сабрины?

В конце концов она и сама пришла к мысли, что у меня неплохая фигура и можно просто купить готовую одежду, а не шить специально, студия будет только благодарна за экономию средств. У меня загорелись глаза:

– В Париже! – Видя, как поскучилась моя собеседница, умоляюще сложила руки: – Но ведь она приезжает из Парижа...

Следом вздохнула и Эдит:

– У кого вы будете там шить?

– У Юбера Живанши.

– Но ведь костюмер я.

– Я подберу одежду и приеду в ней, а вы здесь посмотрите – если что-то подойдет, то оставим, если нет – подскажете, чем заменить. Или сшить другое...

После магазинов мы отправились в кофейню и к концу посиделок уже окончательно подружились.

– Почему вы так привязаны к Живанши? Он, кажется, работает у Скьяпарелли?

– Нет, у него уже свой Дом. Только что открыл. Я видела его модели, они точь-в-точь такие, как я ношу сама.

С согласия Эдит Хед меня отправили в Париж покупать готовые платья для фильма. Было решено, что я приобрету их, как одежду для себя, а студия потом мне все оплатит.

Поездка совпадала с лондонской премьерой «Римских каникул», потому я торопилась сначала к маме, которая так и не решилась переехать в Америку, в Лондоне ей нравилось куда больше.

Вот тогда у меня и произошли две знаменательные встречи – с Мелом Феррером и с Юбером Живанши. Обе судьбоносные, потому что за Мела я в конце концов вышла замуж, а с Юбером подружилась на всю жизнь.

Это настоящий друг, готовый подставить плечо в трудную минуту, утешить, успокоить, защитить. Он такой же, как Грегори Пек, только моложе.

Когда я появилась в его ателье на рю Альфред де Виньи, Юбер решил, что пришла Кэтрин Хепберн, бывшая уже известной актрисой. Кстати, еще когда я только заключала договор на съемки в «Римских каникулах», руководство «Парамаунта» предложило сменить фамилию, чтобы не было путаницы, но я уперлась:

– Если им нужна я сама, то возьмут и с такой фамилией.

Казалось преступным отказываться от фамилии, под которой прожила столько лет, словно это означало отказ от отца. Думаю, мама была согласна, чтобы я стала Хеемстра.

Увидев меня, Юбер немало удивился, но улыбнулся так открыто и доброжелательно, что у меня отлегло от сердца. Он предложил посмотреть сначала готовую коллекцию, я выбрала белое платье, в котором Сабрина приходит на семейный вечер в день возвращения из Парижа, черное платье для коктейля с бантиками на плечах и костюм, в котором она приезжает. Ничего не пришлось подгонять, почти весь гардероб героини был готов!

Но на этом приятные минуты съемок закончились...

Это очередная красивая сказка про Золушку, но я такие всегда любила. Сабрина, дочь шофера, служащего у богатого американского семейства, влюблена в младшего из братьев этого семейства, довольно беспутного малого, любителя безделья, женщин и выпивки. Чтобы девушка не наделала глупостей, ее на два года отправляют учиться в Париж, откуда гадкий утенок возвращается прекрасным лебедем. И теперь уж тот самый беспутный малый влюблен в Сабрину, которую раньше совсем не замечал.

Семейство в ужасе, потому что Дэвид влюблен не на шутку и намерен разорвать помолвку с богатой наследницей, чтобы жениться на дочери шофера! И тогда на семейном совете решено, что отвлечь Сабрину от Дэвида должен старший брат Лайнус – бизнесмен, считающий,

что любовь и подобные глупости не стоят того, чтобы на них тратить время. По сказочным законам оказывается, что Лайнус не такой уж сухарь и вполне достоин той самой любви, которая и вспыхивает между ним и Сабриной...

«Сабрина» могла бы стать настоящим подарком, искрометный юмор комедии Самюэля Тэйлора предполагал такую же игру, но все с первой минуты пошло наперекосяк. Для меня осталось загадкой, почему Билли Уайлдер, которому поручили снимать фильм, вдруг принялся кромсать текст. Сам Тэйлор, убедившись, что от его комедии остаются жалкие крохи, от работы над сценарием отказался, тогда ее поручили и без того очень занятому Эрнесту Леману. В результате большую часть текста писал сам Уайлдер, Леман правил, и все это уже во время съемок и по ночам, чтобы на рассвете в студийной машине сунуть отпечатанные листки с текстом в руки и попросить выучить немедленно.

Чаще всего мы не знали, что именно будем снимать завтра, учили текст на ходу, нервничали и злились.

Но даже не эта неорганизованность была самой тяжелой в нашей работе. Все никогда не бывает готово полностью, любые съемки – это множество нестыковок и проблем, бесконечные импровизации. Одно дело, если все происходит в обстановке взаимной симпатии и желания помочь друг другу, совсем другое, если с первого дня отношения на площадке искрят не от слишком сильной любви, а от вражды и почти ненависти.

Для меня, уже привыкшей к заботе и обожанию в «Жижи» и «Римских каникулах», плохие взаимоотношения на съемках «Сабрины» стали просто кошмаром. Уайлдер относился ко всем одинаково, о нем верно говорили, что у этого режиссера на площадке всегда одна звезда – он сам. Это не мешало, даже наоборот, но вот остальные...

На роль Лайнуса сначала пригласили Кэрри Гранта, а на роль его брата Дэвида – Уильяма Холдена. Для меня было ударом, когда Кэрри отказался, почему-то испугавшись играть со мной, мотивируя это моей излишней молодостью. Но уже на следующий год он сыграл со столь же молодой Грейс Келли. А позже мы играли с ним в «Шараде», разница в возрасте, понятно, не изменилась. Отказ просто означал неверие в мои способности. «Римские каникулы» еще только монтировались, я была мало кому известной «темной лошадкой».

Я получила хороший урок недоверия, было очень больно, но стерпела, свое актерское мастерство предстояло еще доказывать.

И тогда Уайлдер сделал, мне кажется, худшее, что только мог, навредив прежде всего самому себе, – он пригласил на роль Лайнуса Хэмфри Богарта. Хэмфри Богарт – талантливейший актер, но к тому времени уже явно был не в форме. Из-за болезни и дурных привычек он выглядел много старше своих пятидесяти восьми лет, а чувствовал себя, наверное, еще старше и хуже. Сильно осложняла съемки убежденность Богарта, что все настроены против него. Если началось с почти безобидных перепалок между ним и Уильямом Холденом, то закончилось, увы, настоящей ненавистью на площадке, только уже ко всем троим – Холдену, Уайлдеру и мне.

Осознав, что режиссер не намерен носиться с ним, как со звездой, Богарт принялся искать жертву для своих нападков. Я не могла поверить своим глазам: идеально честный, романтический, талантливый, всегда готовый прийти на помощь в своих экранных ролях, Богарт не имел ни единой этой черты в жизни! Или спрятал их так глубоко, что никто не замечал. Он столь откровенно демонстрировал свое презрение к более молодым актерам, что я приходила в отчаянье, показывать которое никак не смела, напротив, собрав все силы, старалась оставаться приветливой и доброжелательной, твердя себе: он болен, потому так раздражен, не стоит на это обращать внимание.

Богарт передразнивал меня, как только мог, цеплялся к интонации, к малейшей запинке, сам совершая их на каждом шагу. А ведь мне приходилось изображать влюбленность в героя Богарта, и делать это с каждым днем становилось трудней. Игравшая Элизабет, невесту Дэвида, очаровательная Марта Хайер однажды даже тихонько поинтересовалась:

– Почему вы не вклеите ему пощечину?

Только я знаю, чего это мне стоило, но я ни разу даже не нахамила Богарту в ответ. Именно это выводило его из себя сильнее всего. Не выдержал Уайлдер, попросту обругав знаменитость. Билли дал повод, и теперь вся ненависть стала изливаться уже на режиссера. Это было какой-то паранойей, я никогда не думала, что знаменитый актер может быть таким гадким! Обозвать Уайлдера, у которого в Освенциме погибли родители и еще немало родственников и близких, нацистским выкормышем только за то, что тот родился в Вене!.. Кем же была для него я, родившаяся в Брюсселе и пережившая оккупацию в Арнеме? А если бы он узнал о моем отце?

У меня не было причин любить Богарта, потому что любить его экранного героя оказалось куда трудней, чем героя Холдена, как и самого Холдена тоже. С Уильямом у нас случился довольно страстный роман, мы могли бы и пожениться, но оказалось, что он сознательно лишил себя возможности... иметь детей! А я так хотела семью со многими малышами! Не сложилось.

Это ужасно, когда на площадке идут настоящие бои, труппа поделена на две части, воюющие части! Мало того, и Холден, и особенно Богарт много пили, причем Богарт делал это прямо во время съемок. Отвратительно целоваться с человеком, от которого пахнет виски! Но кто меня спрашивал, уж не Богарт, это точно! Они с Холденом частенько дрались по-настоящему, добавляя работы гримерам, которым приходилось каждое утро замазывать синяки с отеками под глазами у двух «героев», а также полученные в драках ссадины.

Терзался сценарист Эрнест Леман, потому что писать приходилось по ночам или вообще на ходу; мучился оператор Чарльз Ланг, потому что должен ставить свет и камеру так, чтобы с одной стороны не бросались в глаза мои излишне худые плечи, с другой – следы ночных пьянок Богарта и Холдена; без конца скандалили актеры, издевался над всеми Богарт...

Особенно трудно стало, когда он всерьез принялся за Уайлдера, швыряя текст тому в лицо и заявляя, что подобную глупость могла написать только его семилетняя дочь, что нужен переводчик, чтобы можно было понять дикий немецкий акцент режиссера, мол, обидно, в конце своей блистательной карьеры приходится сниматься у бездарного нацистского сукиного сына.

Я не понимаю, почему Уайлдер сдержался, но с площадки он ушел тут же; на счастье Богарта, в тот день не было Уильяма Холдена, иначе никакие гримеры не смогли бы замазать наставленные синяки. За «бездарного нацистского сукиного сына» Холден Богарта наверняка убил бы. Марта Хайер только усмехнулась:

– Привыкайте, это обычное состояние «ненависти на Голливуде».

Я была в ужасе:

– Неправда, мы очень счастливо снимали «Римские каникулы»!

– Значит, вам повезло...

Мне действительно повезло и везло дальше, больше таких кошмаров на площадке никогда не было.

На следующий после такого оскорбления день Билли Уайлдер пришел с утра без текста, это означало новый скандал с Богартом. Режиссер подошел ко мне:

– Одри, вчерашнюю сцену с Богартом надо переписывать полностью, но мы не успеваем. Сейчас снова будут крики и оскорбления.

– Почему вы не прекратите съемки?

Он обвел взглядом съемочную площадку:

– Как? Все эти люди не виноваты в наших отношениях.

Я решительно поднялась и направилась к помощнику режиссера. Вовсе не хотелось допускать новой стычки.

– У меня страшно разболелась голова. Нельзя ли хоть ненадолго прервать съемки, чтобы отдохнуть?

Ассистент была изумлена, никогда раньше я ничего не просила, но, видно, что-то поняла, в свою очередь, подошла к Билли и громко попросила не начинать съемку, чтобы Одри могла передохнуть.

Конечно, я ожидала взрыва негодования со стороны Богарта, но мысленно уже приготовилась дать отпор и высказать ему все в лицо, чего бы мне это ни стоило. И плевать на все правила хорошего тона и мамино воспитание! Доброжелательность тоже имеет свои границы, а вежливость не предполагает необходимость молча сносить оскорбления.

Мои глаза встретились с насмешливыми глазами Богарта, еще мгновение, и он наверняка обрушил бы на «английскую дилетантку, воображающую себя актрисой», как он меня называл, свой гнев. Но взгляд «дилетантки» даже через всю съемочную площадку пригвоздил знаменитого актера к месту. Я была готова закатить Богарту скандал покруче холденовского, еще немного – и надавала бы пощечин, правда, потом извиняясь. Не случилось, он не рискнул возмущаться. Труппа притихла, Уайлдер и Леман суматошно переписывали текст, а я разыгрывала из себя капризную звезду. Интересно, что не возмутился вообще никто, мне позволили изображать мигрень полдня!

Когда режиссер и сценарист наконец выползли из своего вагончика и объявили, что снимать будут сцену Богарта, а якобы страдавшая головной болью Одри спокойно откланялась, окружающие поняли все. Но для Хэмфри Богарта это был хороший урок, кажется, он осознал, что труппа настроена против него, а нападать на меня вообще рискованно. Во всяком случае, с того дня Богарт взял себя в руки, нет, он продолжал говорить гадости и давал понять, что он единственная звезда среди толпы бездарей и дилетантов, но делал это куда скромней, чем раньше.

Однажды Уайлдера спросили, почему он терпит выходки актеров. Режиссер вздохнул:

– Режиссер должен быть полицейским, акушеркой, психоаналитиком, подхалимом, ублюдком... и все это в одном лице.

А еще он сказал:

– У меня есть удивительно пунктуальная и ответственная тетушка, по ней можно сверять часы, и ей можно доверять. Тетя никогда не задержит и не сорвет съемку, если ей будет поручено, все выполнит вовремя и как надо. Но едва ли зрители будут платить деньги, чтобы смотреть на мою тетушку...

Но я считала, что это все равно не оправдывает звездных выходок актеров. Любая звезда должна быть прежде всего человеком, а на съемочной площадке тем более.

Зато я приобрела прекрасный урок отношения труппы и актера, заболевшего звездной болезнью, иногда очень полезно посмотреть на все со стороны, получилось нечто вроде хорошей и своевременной прививки. Не думаю, что я и без этого слишком зазналась бы, мама воспитывала меня иначе, все время твердя, что думать нужно сначала о других, а уже потом о себе, и что относиться к себе нужно во много раз строже, чем к остальным.

Наконец съемки «Сабрины» были закончены. Точно так же, как я не хотела окончания съемок «Римских каникул», несмотря на предстоящую собственную свадьбу, правда, не состоявшуюся, так теперь радовалась возможности завтра не тащить себя за шиворот на площадку и не слышать пререканий и оскорблений.

Словно в ознаменование окончания неприятностей последний день съемок принес мне новое дорогое знакомство. Едва переступив порог своей квартирки, услышала телефонный звонок. Сил не было ни на что, не то что разговаривать, но и думать не хотелось, желание осталось одно: залезть в ванну и не вылезать оттуда до завтра.

Еще тошней стало, когда приятный женский голос сообщил, что это Джин Симмонс – актриса, которая должна была играть принцессу Анну, и только отказ ее студии позволил мне сняться в этой роли!

Но то, что она сказала, возродило меня к жизни. Симмонс сообщила, что посмотрела «Римские каникулы» и считает, что я сыграла превосходно. Я не помню, что она говорила еще, но хорошо помню, что потом действительно валялась в ванне и ревела.

Джин и ее муж Стюарт стали моими настоящими друзьями, для Голливуда это такая редкость... Голливуд хорош, Голливуд прекрасен, но это все равно собрание звезд, а звезды, как известно, светом могут затмевать друг друга, потому не слишком переносят близкое соседство и даже в космосе живут далеко-далеко, чем дальше, тем лучше, особенно крупные.

Я хорошо усвоила это на примере талантливого Хэмфри Богарта, не терпевшего рядом никого, кто мог бы хоть в эпизоде сыграть не хуже его самого. Возможно, такая черта характера проявилась только в конце его жизни, ведь Богарт снимался уже очень и очень больным, но нам от этого легче не было...

Еще одна неприятность случилась на предварительном просмотре. Я пригласила в Голливуд Юбера Живанши, кому, как не ему, одним из первых посмотреть, как выглядят его потрясающие наряды на экране, к тому же увидеть свое имя в титрах уже разрекламированной картины...

Я вышла из зала просто в слезах, потому что в титрах значилось: «Костюмы Эдит Хед». – Юбер, это случайность, опечатка. Я попрошу, чтобы все исправили.

Конечно, никто ничего исправлять не стал, потому что в контракте автором нарядов значилась Эдит, мне было не только обидно за Юбера, но и очень стыдно перед ним. Мы остались большими друзьями, хотя первый опыт работы мог вообще рассорить на всю жизнь.

«Сабрина» была выдвинута на «Оскара» по шести номинациям, но получила только одну статуэтку – за... костюмы! Я с замиранием сердца ждала, что Эдит, благодаря за награду, обязательно скажет о роли Юбера в создании нарядов Сабрины, но этого не произошло! Не хочется думать, что Эдит так мстила за мой выбор модельера, просто она всегда считала только себя достойной и никогда не упоминала своих помощников, тех, кто в действительности превращал ее рисунки в шикарные съемочные наряды...

Но такова уж талантливая Эдит Хед...

Премьера «Сабрины» состоялась в сентябре 1954 года, Уайлдер сумел смонтировать фильм так, что на экране не заметно ни напряжения при съемках, ни синяков и отеков двух главных актеров, ни моего отвращения к Богарту. Фильм получил только одного «Оскара», а я бездну опыта, большей частью негативного. Но что ни делается, все к лучшему?

1954 год для меня все равно был счастливым. К Рождеству 1953 года объявили, что согласно ежегодному опросу кинокритиков лучшими актерами года были признаны Хосе Феррер и Одри Хепберн! Вот вам, гениальный мистер Богарт!

Но это было не все. 25 февраля я получила статуэтку «Оскара» за лучшую женскую роль в фильме «Римские каникулы»! Кроме того, роль принцессы Анны принесла мне такую же премию от Британской академии кино– и телевизионных искусств, «Золотой Глобус» и много разных наград.

Когда проходило вручение, я была в Нью-Йорке и получила копию «Оскара» из рук Джина Хершельда, умудрившись при этом едва не опозориться на весь белый свет. К тому времени уже прошла премьера «Ундины», спектакля, в котором мы играли с Мелом Феррером, спектакля для меня очень тяжелого, на репетициях которого я часто испытывала настоящее отчаянье, но не из-за сложности самой роли, а из-за поведения Мела (неадекватным умел быть не только Богарт, но и мой дорогой Мел).

Едва переодевшись после спектакля, взъерошенная и страшно уставшая, я сидела рядом с мамой и с замиранием сердца слушала, как перечисляют номинации, на которые выдвинуты «Римские каникулы». Одна из них – за лучшую женскую роль. Стать в первой же серьезной

картине номинанткой на «Оскара» уже само по себе величайший успех, но когда сквозь аплодисменты до меня дошло: «Мисс Одри Хепберн», я уже плохо понимала, что делаю.

Шла по проходу в зале, поднималась на сцену словно в тумане, потому отправилась не к ожидающему меня с копией статуэтки Джину Хершельду, а... в обратную сторону – за кулисы! Хорошо, что быстро исправилась, но тихонько усмехнулась: «Запуталась...» В зале слышали, рассмеялись. Но это был не злой смех, меня поддерживали по-настоящему.

Я плохо помню, как взволнованно подбирала слова благодарности всем, кто помогал достичь такого успеха, как приказывала себе не плакать у всего мира на виду... как возвращалась обратно.

Мел гордился моими наградами, а мама почему-то не очень. Я не понимала, ведь получила самую высокую для киноактрисы награду, через три дня должна получить еще и театрального «Оскара» – «Тони», а она словно не рада. Почему? Конечно, сдержанность – это хорошо, но не до такой же степени. Неужели потому, что я вышла из-под ее влияния и стала добиваться своих побед сама?

Потом были банкеты, поздравления, вспышки фотокамер, множество автографов, вопросов, интервью... Все вдруг проснулось и заметили Одри Хепберн. Одна я находилась словно во сне. За две премьеры – театральную и кинематографическую – я получила две высшие награды, но ощущения триумфа почему-то не было.

Почему? Чувствовала, что могу больше, или просто не осознавала успех? Не знаю, но больше «Оскаров» мне не дали и «Тони» тоже.

Меня от души поздравляли те, с кем я играла в Риме, с кем ездила по Америке с «Жижи», с кем билась над «Ундиной» и «Сабриной». Праздник «Римских каникул» продолжался, а я мучилась, словно не заслужила его. Было чувство, что вот-вот все разглядят, что ошиблись, или что в следующей работе я не сумею сыграть так же хорошо, не оправдаю доверия, не оправдаю чьих-то надежд. Это очень сильное чувство – боязнь не оправдать надежд таких друзей, какие появились у меня благодаря «Жижи» и «Римским каникулам».

Мои нервы не выдержали такой нагрузки и ответственности, я едва не получила нервный срыв.

Мел Феррер

Трудности актерской судьбы

Мелу в жизни не хватало двух вещей – времени и простора. И того и другого только ради воплощения своих замыслов. Если бы в сутках было 48 часов, Мел все равно нашел бы, чем их заполнить, он постоянно искал новые точки приложения сил, вкладывая их в любое дело в три раза больше, чем оно того требовало. Дело от этого просто разваливалось. Если забивать маленький гвоздь огромной кувалдой, можно развалить стену.

Я очень любила Мела, как и он меня, это родилось мгновенно, с первого взгляда, но не привело ни к чему хорошему, кроме рождения моего обожаемого Шона. Но когда мы встретились, до рождения Шона было еще далеко...

Познакомил нас Грегори Пек на вечеринке, посвященной благословенным «Римским каникулам». Мы влюбились друг в друга с первого взгляда, но это была отнюдь не платоническая любовь. Я уже видела Мела в только что снятой «Лили», где он играл кукольника, и просто обожала его экранный образ. Спокойный, красивый, он казался мне вторым Грегори Пеком. К тому же Пек и Феррер были друзьями!

Мел был женат уже в третий раз, причем первый и третий на одной и той же женщине. Он тут же затеял новый развод, хотя я вовсе не торопилась выходить замуж даже за того, кого обожала. Что-то подсказывало, что жизнь с Мелом не будет усыпана розами, а если и будет, то у них окажется слишком много шипов. К сожалению, так и вышло... Даже сильная любовь не всегда делает брак счастливым и долговечным.

Я для Мела Феррера была исключительно точкой приложения его сумасшедшей энергии. Если Джеймс Хенсон и обладал похожей энергетикой, то хотя бы не вся она была направлена на меня, отвлекал бизнес. У Мела его бизнес, все дело его жизни стало заключаться во мне. Первое, что он затеял, – постановка «Ундины» на Бродвее, где он сам играл рыцаря Ганса, в которого влюбилась нимфа воды Ундина. Ундиной была я. Романтическая история любви заканчивалась трагически – рыцарь умирал, а русалка отправлялась обратно в свое царство к подругам.

Режиссером спектакля стал знаменитый Альфред Лант, а его жена Линн Фонтанн стала для меня второй Кэтлин Несбитт.

Мел, предложивший мне пьесу и саму роль, был... весьма недоволен. Я не хотела играть на сцене. Чтобы заполучить меня на Бродвей, Мелу предложили роль Ганса, совсем этого не скрывая, но переписать текст, увеличив эту роль, отказались. Начались его стычки с Линн, потом с режиссером, я, как могла, сглаживала углы, но Мел словно нарочно назавтра разрушал все, чего вчера удавалось достичь.

Он сам признавался, что имеет непростой и даже скверный характер, но оказалось, что первой от этого характера должна страдать я. Режиссер советовал одно, Мел требовал совсем другое, я, не желая ссориться ни с одним, ни со вторым, делала вид, что прислушиваюсь, репетиции шли очень тяжело. После трудных и нервных съемок «Сабрины» мне очень хотелось отдохнуть и почувствовать теплоту добрых отношений, но ничего не получалось.

Еще хуже стало, когда мной в роли Ундины начали откровенно восхищаться. Не знаю, действительно ли играла так хорошо, но я очень старалась, словно своей игрой могла компенсировать Альфреду Ланту скандалы с Мелом. Феррер угрожал режиссеру уйти из спектакля и увести меня за собой. Я больше не могла терпеть и заявила, что действительно уйду, но только и от него тоже.

Премьера на Бродвее состоялась в феврале 1954 года, спектакль был встречен восторженно, хвалили всех, кроме... Мела Феррера. Мне было очень жаль, что он не сумел показать

все свое обаяние, но мне тоже казалось, что роль романтического рыцаря не для Феррера. За «Ундину» Альфред Лант получил награду как лучший режиссер сезона.

Удивительно ли, что к концу марта, когда вручались статуэтки «Оскара», я уже едва держалась на ногах? Мне была очень нужна мамина помощь, но этой помощи снова не нашлось. Маме не нравился Мел, это понятно, у него не было миллионов, как у Хенсона, не было надежного положения, а актерская стезя тяжела и доход неровен... Она приехала в Нью-Йорк, но моей игрой была довольна еще меньше Мела, а полученные высшие награды ее не впечатлили вовсе.

Нервы, нервы, нервы... Я едва держалась на ногах, грызла ногти (дурная привычка, от которой никак не удавалось избавиться), курила одну сигарету за другой, день ото дня худела и хотела одного – отдохнуть. После окончания театрального сезона мы уехали в Швейцарию. Мел настаивал на свадьбе, пусть и самой скромной. Мама, Кэтлин, Анита Лоос, Линн Фонтанн... все были против нашего с Феррером брака. Но если Мел чего-то хотел, он добивался этого обязательно, даже ценой разрушений.

В одном они с мамой сходились во мнении: лучшее средство от любой депрессии – работа! Мама прописала мне строгий режим и прогулки по утрам, а Мел заваливал все новыми и новыми сценариями. Почему-то даже они не понимали, что мне нужен отдых, слишком многое навалилось на меня за последние два года, я вымотана. Мама не понимала, что такое съемки и восемь спектаклей в неделю, а также сумасшедшее количество разных интервью или фотосессий. Но Мел-то знал!

Но даже желание заставить меня работать и соблюдать режим не примирило баронессу ван Хеестра и Мела Феррера. Он звал меня замуж, мама была против, я была совершенно измотана, потому очень кстати оказался совет врачей подлечить мою астму горным воздухом Швейцарии. Не хотелось никого видеть, надоели постоянные стычки между мамой и Мелом, и я отправилась в Гштаад одна. Мама обиделась, мы почти поссорились. Мел оказался хитрей, он организовал себе съемки в Италии и был от меня недалеко.

Улетая из Нью-Йорка, я заявила журналистам, что хочу наслаждаться жизнью, а не превращаться в развалину. Какая наивность думать, что тебя оставят в покое в горах Швейцарии! «Римские каникулы» с успехом шли в Европе и со дня моего приезда стали ежедневно демонстрироваться в местном кинотеатре. Это превратилось в развлечение: посмотреть кино, а потом отправиться разглядывать исполнительницу главной роли, качая головами, мол, какая же она худая и бледная!

Я не могла и шага сделать из отеля, из витрин магазинов на меня смотрели собственные портреты, помещенные в рамки, обязательно находился десяток желающих получить автограф «про запас»:

– Подпишите еще моей подруге Хелен... а это моему зятю Альберту и еще невестке Валентине... Нет, невестке, пожалуй, не стоит, лучше напишите еще одну мне самой, пусть она умрет от зависти!

– Можно с вами сфотографироваться?

Я сбежала в свой номер и не показывалась оттуда несколько дней. Быстро пришлось убедиться, что напротив моих окон почти постоянно дежурят несколько любопытных.

Шторы задернуты, в комнате полумрак, скучно, тоскливо... горный воздух только через приоткрытое окно... Я сидела в глубоком кресле, обхватив подтянутые к подбородку колени, и страдала. Отдыха не получалось, то и дело звонил телефон, после требования к портье соединить меня только с другими городами легче не стало, никакого отдыха не получилось, только хуже.

Отвратительному настроению весьма способствовали и денежные проблемы. Несмотря на очень успешные проекты, денег катастрофически не хватало. Вызывающая визгливый восторг актриса жила крайне стесненно. И за «Римские каникулы», и за «Сабрину» я получила

во много раз меньше, чем мои партнеры, театральные заработки и вовсе были малы, а жизнь в Нью-Йорке дорогая.

Сидела, слушая шелест дождя за окном, и грустила, вспоминая уютную виллу Джин Симмонс с бассейном, прекрасным садом и возможностью вдоволь понежиться на солнышке... Почему я, тратя столько сил на съемках и репетициях, не могу позволить себе хотя бы крошечный домик в здешних горах, только обязательно скрытый от любопытных глаз? Чтобы насладиться покоем, уютом, отдохнуть от суматохи Голливуда...

Может, Мел прав и меня недостаточно ценят в «Парамаунте»? Может, нужно требовать большие гонорары, которые давали бы возможность не кидаться от одной роли к другой в целях заработка, а сниматься изредка, но дорого? Но мои контракты заключались с еще неизвестной актрисой, тогда важнее была сама возможность играть у таких режиссеров и с такими партнерами. Однако пришло время задуматься. В тишине простенького номера, поневоле запертая в четырех не слишком просторных стенах, я тосковала. Если весь мой отдых будет вот таким, то зачем и уезжать?

Хотелось плакать, а еще взвыть:

«Ме-ел... где ты?»

Я спешно написала ему письмо с просьбой вытащить отсюда и помочь устроиться где-нибудь, где под окнами не будет любопытных, а на улицах желающих взять автограф.

Феррер примчался тут же. Именно он перевез меня в Бюргеншток на озере Люцерн. Более красивого места я не видела в жизни! Его порекомендовал Мелу, у которого, казалось, знакомыми были все и везде, Карло Понти. Знаменитый продюсер часто работал на студии «Чинечитто», где мы снимали «Римские каникулы», но у меня встречи с ним не случилось, а вот Мел был знаком.

Небольшой отель из нескольких раскиданных между деревьями шале, с хорошим рестораном и прекрасным обслуживанием, так же хорошо охранялся. Там не было глухого высокого забора, но и любопытные репортеры не появлялись тоже. По просьбе Мела хозяин Фриц Фрей отключил мой телефон и вызывал к общему, только если звонили Мел или мама. Строгая питательная диета, прогулки, продолжительный сон, режим дня, прекрасный воздух и заботливое отношение быстро сделали свое дело, я пришла в себя.

Мел не напоминал о своем предложении, но я невольно о нем размышляла. Вид озера Люцерн и гор вокруг него очень располагает к размышлениям. Постепенно я стала думать о своей карьере несколько иначе. Возможно, сказался пример Карло Понти и Софи Лорен. Вот какой наставник и защитник нужен актрисе, тем более начинающей и не слишком опытной, какой тогда была красавица Софи! Сердце екнуло: а разве у меня нет такого защитника? К тому же Мел так красив, он всегда сможет отстоять мои интересы и помочь сделать разумную карьеру, которая не выкрутит меня, словно губку, и не бросит умирать на обочине дороги.

Сама я говорила журналистам, что хочу сделать карьеру, но не хочу при этом стать карьеристкой. Если бы меня попросили объяснить толком, не смогла бы, но казалось, и так все ясно – я хочу стать звездой, но не потерять при этом хоть подобие нормальной жизни.

Мел был очень рад моему возвращению в нормальное состояние:

– Наконец у тебя заблестели глаза.

Он приезжал из Италии при любой возможности, но разве у актеров часто бывает такая? Приближался его двадцать седьмой день рождения, и я отправила Феррере в подарок платиновые часы с выгравированной строчкой из песни Кауэрда «Схожу с ума по парню». Я действительно сильно тосковала по Мелу, в последний год мы были почти все время вместе и по-настоящему любили друг друга.

Студия пошла актеру навстречу, изменив график съемок, он примчался в Швейцарию, и в мэрии городка Буош состоялось наше с ним бракосочетание. На следующий день, 25 сен-

тября 1954 года, нас обвенчали. Шел проливной дождь, наша церемония была скромной, присутствовали только самые близкие, мама все время плакала...

Мы не желали освещать свое семейное счастье тысячами вспышек фотокамер, не желали видеть свои фотографии во всех газетах, мы желали быть вместе и быть счастливыми. Но репортеры желали заработать, а публика знать, во что именно одета невеста, какой подарок преподнес ей жених, почему плакала теща и куда же запропастились братья молодой супруги. А как отнеслись к новой жене своего папы дети от предыдущего брака Феррера? Сколь долгим будет медовый месяц? Что приготовит или закажет на завтрак миссис Феррер?

Нас преследовали неприлично назойливо, не помог ни тайный отъезд в Рим, ни хитрость уже в Италии, когда наша машина на полной скорости въехала в главные ворота студии и, промчавшись насквозь, выехала из задних, ни сумасшедшие гонки в попытке добраться до виллы в Виньо Сан-Антонио, чтобы укрыться от вездесущих фотографов.

Итальянские репортеры могли дать сто очков вперед даже американским! Они умудрились добраться до виллы раньше нас и засели во всех кустах. Осада была столь наглой и настойчивой, что мы вышли, чтобы позировать перед камерами. Казалось, вопрос разрешен, десяти минут вполне хватило, чтобы истратить километры пленки, но...

Когда уже перед сном я вышла на крыльцо, чтобы подышать чистым прохладным воздухом, то в ужас метнулась обратно: на деревьях, в кустах, на заборе гроздьями висели все те же репортеры! Может, и не те, а другие, которые не успели к нашей невольной фотосессии. Лужайка перед домом осветилась десятками фотовспышек снова.

Пришлось вызывать полицию...

Я долго рыдала на груди у Мела:

– Огради меня от всего этого. Я не хочу такой славы...

– А чего ты хочешь?

– Детей...

Подозреваю, что сильно разочаровала Мела своим заявлением, он рассчитывал несколько на другое. Ярким примером для Феррера были Карло Понти и Дино де Лаурентис, которые делали карьеры своих жен – Понти для гражданской супруги Софии Лорен, а Лаурентис для Сильваны Монгано. Феррер решил заботиться обо мне так же.

Думаю, из Мела вышел бы прекрасный импресарио или продюсер, но он пытался играть сам и ставить фильмы как режиссер. Великолепный организатор и блестящий уловец договаривать или убеждать, Мел совершенно не желал по-настоящему страдать или радоваться в кадре, а потому успеха как актер после роли кукольника в «Лили» не имел.

Но мне было совершенно все равно, успешен ли он как актер, я любила Мела, а он меня. К тому же он действительно защищал меня от всего и организовывал мою жизнь, зарабатывая за нас обоих, потому что я оказалась беременна и сниматься не могла.

Мел познакомил меня с Куртом Фрингсом, ставшим моим агентом. О-о... этого человека боялись все. Курта невозможно убедить в чем-то, что шло вразрез с интересами его клиентов, а уж гонорары он умел требовать совершенно непреклонно. Именно благодаря Фрингсу я стала высокооплачиваемой актрисой.

Но сначала не желала вовсе никаких гонораров, я желала стать образцовой хозяйкой и матерью! Училась готовить блюда итальянской кухни, печь деревенский хлеб, полюбила спагетти... с удовольствием возилась с нашими двумя собаками, множеством кошек и очаровательным осликом... просто жила...

Иногда в гости приезжали две замечательные пары – Карло Понти со своей прекрасной возлюбленной Софией Лорен и Дино де Лаурентис с божественной супругой Сильвано Монгано. С их появлением шум поднимался невообразимый, итальянцы есть итальянцы, мне начало казаться, что даже воздух вокруг бурлит от их страстей.

Представьте себе: две роскошные красавицы-итальянки, рослые, длинноногие, с осиной талией и крепкой грудью, большеглазые и безумно эффектные, а рядом лысоватые, полноватые возлюбленные, каждый из которых на полголовы ниже. Но в глазах красавиц откровенное восхищение и любовь, и энергия у всех четверых через край.

В сентябре Софии исполнилось двадцать, в тот же день закончились их съемки в «Золоте Неаполя», и Карло Понти сделал своей протеже роскошный подарок – кольцо с бриллиантом. Это означало бы предложение руки и сердца, не будь Понти... женат! В первый же приезд София осторожно поинтересовалась у меня:

– Вы с Мелом обвенчаны?

– Да.

– В католической церкви?!

– Нет, протестантской.

– Молодцы. А мой Карло венчан в католической, потому развестись не сможет... – В ее огромных прекрасных глазах появилась настоящая грусть, которая тут же сменилась почти лукавством. – Но я буду жить с ним и так! Лучше невенчанный муж, чем никакого. – И неожиданно серьезно вздохнула: – Просто я его люблю.

Вот этого могла бы не говорить. Удивительно, но красавица София действительно обожала своего не такого уж красивого Понти. Вообще, эта удивительная, никогда не унывающая женщина словно одаривала своей красотой всех вокруг, как солнце лучами. Вот у кого поучиться вести себя с журналистами и поклонниками! До сих пор поражаюсь, как ей удается казаться очень доступной и одновременно недосыгаемой.

Понти и Лаурентиса считали настоящими акулами киноиндустрии Италии. Наверное, так и было, но тогда я еще не имела с ними дел как с продюсерами, на виллу приезжали два шумных, веселых человека со своими обожаемыми женщинами, поднимался невообразимый гвалт, звучал заразительный смех, громкая речь, а я пыталась прорваться через жуткий акцент еще не слишком хорошо говорившей по-французски Софии.

Их любовь с Понти оказалась навсегда, она разрушила все преграды, даже сопротивление Ватикана. София с огромными трудностями родила двух сыновей и прекрасно их воспитала. Удивительно, но актриса, немало игравшая взбалмошных красоток, больше всего мечтала стать просто матерью. Это сближало нас, я ведь тоже хотела быть хорошей мамой.

Мы имели слишком разный темперамент. София по-итальянски энергична, она таковой и осталась, но со временем научилась не изливать свою энергию на всех и стала чуть потише.

Я, воспитанная строгой мамой в традициях семейства ван Хеемстра («женщины нашего круга не позволяют себе излишних эмоций, а уж демонстрировать их вообще недопустимо!»), могла изливать темперамент только в танце.

Подругами мы с Софией стали позже, когда наша с Мелом и их с Карло виллы в Швейцарии оказались по соседству. У меня уже был толстячок Шон, а София никак не могла родить. Я тоже родила не с первой попытки, были выкидыши и рождение мертвого ребенка, но Шон родился крепким и здоровеньким. Когда Карло Понти уезжал по своим делам, а Мел по своим, София приезжала ко мне, мы укладывали Шона спать, отправлялись на кухню, я варила макароны по-итальянски, и мы подолгу болтали или просто молчали, как обыкновенные женщины, ждущие возвращения своих необыкновенных мужчин.

София уже научилась при мне несколько сдерживать свой темперамент, видно, понимая, что голландке трудно воспринимать бурные итальянские страсти, в жизни она оказалась простой и доброжелательной. С каждым годом расцветая, София ничуть не боялась играть роли, отнюдь не подчеркивающие ее красоту, а словно стремившиеся скрыть, зато какова игра! Когда нас одновременно номинировали на «Оскара» – меня за роль Холи Голайтли в «Завтраке у Тиффани», а Софию Лорен за Чезарию в «Чочаре» («Двух женщинах») и статуэтка досталась Софии, я не расстроилась, слишком сильной была ее игра в этом фильме.

У этой женщины не тысячи, а миллион ипостасей, и все София исполняет отлично. Воспитанная в кварталах для бедных, она умеет выглядеть настоящей королевой, красавица, к ногам которой готовы упасть все мужчины мира, по-настоящему любит своего Карло, светская львица, величественная на официальных приемах, изумительно проста в общении, она все-таки сумела родить двоих детей и стать прекрасной матерью. Королева, играющая простых сельских женщин или с аппетитом уплетающая спагетти, повелительница, с тоской, по-бабьи подпершая рукой красивый подбородок, взиравшая на сладко спящего Шона, умудрявшаяся одновременно быть и выглядеть сексапильной красоткой и озорной девчонкой...

О Софии можно писать долго и восторженно, но все вокруг не хуже меня знают перипетии ее судьбы и ее умопомрачительную красоту, как внешнюю, так и внутреннюю. Она настоящая всегда, везде и во всем.

Но тогда наша дружба только начиналась, нам не удалось стать неразлучными подругами, потому что жизнь постоянно разводила по разным странам и даже континентам, но за те счастливые часы, что я просидела на кухне вместе с Софией Лорен, я благодарна судьбе.

Теперь всеми контактами с «Парамаунтом» ведал Курт Фрингс, что сильно облегчило мне существование. Я могла предаваться радостям жизни. Выезжала куда-либо не часто, однажды я рискнула сделать это без Мела и пожалела.

Это была благотворительная поездка в Амстердам, чтобы помочь собрать средства в помощь ветеранам войны. Сначала все шло хорошо, но, когда в газетах появилось сообщение, что в Амстердам приехала исполнительница главной роли в «Римских каникулах», покоя не стало не от репортеров, а просто от желающих получить автограф, сфотографироваться или хотя бы прикоснуться ко мне. Когда в одном из больших магазинов толпа едва не разнесла отдел, в котором я оказалась, стало понятно, что без охраны, причем немалой, никуда ни выходить, ни выезжать нельзя.

Я извинялась перед администрацией магазина за то, что по моей вине едва не случился погром, а они передо мной, что не обеспечили звезде достойную охрану. С тех пор я никуда не выбиралась, предварительно не удостоверившись, что эта охрана обеспечена. Это не каприз звезды, а понимание, что из-за поведения толпы могут пострадать невинные люди.

Мел вел тяжелые переговоры о съемках «Ундины», но они шли неудачно. Продюсеры не желали просто переносить на экран созданную версию спектакля, потому что вдова автора пьесы Жироду запросила слишком большую сумму за право экранизации, а Мел не желал участвовать в сказке, когда-то написанной де Ла Мотт Фуко, на основании которой Жироду создал пьесу. Мел понимал, что там его роль будет сокращена до неузнаваемости. Однако у нас просто заканчивались деньги, стало ясно, что совсем скоро предстоит сниматься где угодно и в какой угодно роли, чтобы просто жить.

Но хуже всего, что я не смогла доносить ребенка! Выкидыш вызвал новый приступ страшной депрессии. Жить просто не хотелось. Неужели я измотана настолько, что не смогу стать матерью?

Мама и Мел всегда считали, что лучшее средство от депрессии – работа, и чем больше этой работы, тем скорее человек приходит в себя. Весной мы дали согласие на съемки в «Войне и мире» – Мел в роли князя Андрея, а я в роли Наташи Ростовской. Курт получил задание выжать из продюсеров как можно больше, мы не желали экономить каждый цент, хотя и не намеревались покупать огромные виллы или яхты.

Все время шли разговоры о том, что Мел на меня давит, полностью подчинил своей воле, принимает за меня решения, что я люблю его больше, чем он меня... Тогда я категорически это опровергала, а теперь понимаю, что так и было. Любил ли Мел меня? Безусловно, иначе

я никогда бы не связала жизнь с таким человеком. Он любил и защищал, иногда излишне рьяно. Разница между нами была в том, что при всей своей любви к игре я предпочла бы быть женой и матерью, не гналась за славой, уже познакомившись с ее оборотной стороной, не хотела выкладываться на сцене или площадке до полного изнеможения. Мел, напротив, был крайне честолюбив, для него слава и ее мишурный блеск значили слишком много. Славы муж хотел и для меня, и для себя. Это не всегда получалось.

Муж пригласил поработать со мной журналиста Генри Роджерса, который готовил интервью, фотосессии и планировал предстоящие встречи. Но при одной мысли о необходимости снова и снова улыбаться перед объективом у меня портилось настроение. Сама себе я все больше напоминала принцессу Анну, которой удалось скинуть жмущую туфельку, но совершенно не хочется надевать ее обратно. Мел никак не мог этого понять:

– Неужели всего за несколько месяцев тебе успела так надоесть слава? Одри, ведь ты актриса, ты должна уметь и любить сниматься.

– Я хочу быть женой.

Но я понимала другое: он прав, сниматься нужно, иначе нам просто не на что будет жить. Сейчас я могу признать: да, Мел давил на меня, но у меня было сильно желание спрятаться за его спину, не заниматься ничем, кроме самих съемок, не решать никакие финансовые и деловые вопросы. Если уж выезжать из своего убежища в Альпах, то только ради самих съемок, ни позировать перед фотоаппаратами, ни спорить с продюсерами мне не хотелось. Мел был широкой спиной, за которой я предпочитала прятаться.

К сожалению, эта готовность подчиняться переросла в нечто большее – Мел стал просто распоряжаться моей жизнью. Если бы при этом он запер меня на вилле «Бетания», которую мы сняли, я не была бы против, но он постепенно стал диктовать мне все: что играть, что носить, что говорить, как себя вести.

А я хотела одного: ребенка!

«Война и мир» На съемках и в жизни

У Дино де Лаурентиса имелась причина для визитов в наш дом в Бюргенштоке, он затевал огромный проект – фильм по роману русского писателя Льва Толстого «Война и мир» – и предложил Мелу роль князя Андрея. В первый же день Мел предупредил меня, чтобы не вела никаких переговоров и не поддавалась ни на какие хитрости Лаурентиса:

- Одри, он явно хочет видеть тебя Наташей Ростовой.
- Нет, я же ношу ребенка!
- Потому и говорю, чтобы лучше помалкивала.

Карло Понти и Дино де Лаурентис все делали с размахом: если жениться, так на самых красивых актрисах Италии, если снимать, так громадные эпопеи с сумасшедшим ценником. Курт говорил, что таких не грех и немного обобрать. Не знаю, как про «обобрать», но гонорар у меня был просто сказочный, он в тридцать раз превышал оплату съемок в «Сабрине», а о «Римских каникулах» и говорить нечего. У Мела было много скромней, но, когда я попыталась сопротивляться, они с Куртом просто заставили меня замолчать!

Весь фильм был немыслимо дорогой, масштабный, сложный и... настолько же неподготовленный. Понти и Лаурентис почему-то очень спешили, назначив начало съемок на 1 июля. Замечательный режиссер Кинг Видор метался, спешно подбирая полсотни актеров на роли со словами; костюмеры шили больше двадцати тысяч костюмов, просто купить которые, как для «Сабрины», было невозможно; со всей Европы свозили лошадей, которых требовалось около десятка тысяч; для съемок русской зимы посреди итальянского жаркого лета грузовики везли сотни тонн искусственного снега; военные музеи скрепя сердце поставляли из своих запасников старинные пушки...

Все крутилось и вертелось, шли примерки, готовились декорации дворцов и деревень, не было только одного – сценария!

Продюсеры сделали страшное: получив перевод огромного романа, они разбили его на части и отдали каждую своей группе сценаристов, нимало не заботясь, что разные люди напишут в разном стиле. Работа проведена спешно – за три недели, – и результат получился соответственный. Кинг Видор рассказывал, что схватился за голову, увидев сценарий в полтысячи страниц, каждая часть которого существовала самостоятельно.

Тогда спешно пригласили нескольких писателей, чтобы выправить ситуацию. Все равно фильм был очень длинным, и смотреть его тяжело.

Ставку делали на красивые виды, масштабность съемок и тонкую игру актеров. Но играть тоже оказалось нелегко. Наташа Ростова не Сабрина, а «Война и мир» не комедия, характеры героев должны быть в развитии, но его не было, как не всегда бывала единая линия поведения героев в разных частях сценария.

Роль князя Андрея Болконского сразу предложили Мелу, позже мы все поняли, какой ошибкой было соединить нас в любовной истории, пусть и столь целомудренной. Мы с Феррером просто не могли играть перед камерой ни бурную страсть, ни даже влюбленность, это наше и только наше, выносить свои ощущения на зрителя ни я, ни он не способны.

К сожалению, к моему величайшему сожалению, мы снимали грандиозную не только по масштабности, но и по духу эпопею просто как большой красивый фильм с множеством сцен, временами даже не слишком связанных между собой... Позже, когда мне пришлось играть сестру Люк в «Истории монахини», я поразила тщательности подготовки к съемкам. Режиссер «Истории» Фред Циннеман не просто изучил натуру, на которой нужно снимать, он при-

влекал к поездкам нас с автором сценария Андерсоном, чтобы мы могли на собственном опыте почувствовать атмосферу монастырей. Мы, актрисы, игравшие монахинь, жили в этих обителях, молились вместе с сестрами, учились ходить, как они, стоять, как они, есть и спать в обители. Но главным было даже не подчинение распорядку дня, актеры – народ привычный ко всему, а необходимость, например, по-настоящему молчать целый день, потому что говорить не положено. Или присутствовать на операции, во время которой только что родившийся ребенок погиб! Мы провели несколько дней в лечебнице для прокаженных, помогая облегчать боль этим людям.

Потому, когда приступали к съемкам фильма Циннемана, не просто знали текст или мизансцены, а знали, как проживать каждую сцену. Нельзя играть что-то, не прочувствовав это на себе! Во время съемок «Римских каникул» я действительно открывала для себя прелесть Рима и радовалась общению с Грегори Пekom, в «Забавной мордашке» восторгалась возможностью потанцевать с Фредом Астером, в «Завтраке у Тиффани» «помогала» Холи Голайтли разобраться со своими чувствами...

А в «Войне и мире» всего лишь изображала прелесть Наташи Ростовой. Но ведь у Толстого она растет, взрослеет духовно, превращаясь из непоседливой восхищенной девочки в очаровательную, но посерьезневшую женщину. А в фильме этого не происходило, Наташа оставалась хлопающим глазами очарованием, которое непонятно почему выходило замуж за Пьера Безухова.

Я твердила, что Пьера должен играть Питер Устинов, но Лаурентис решил иначе. Почему они стремились, чтобы Пьер на экране не получился слишком интеллигентным, непонятно, ведь в романе он именно таков. Лаурентис, в свою очередь, предложил Грегори Пeka. Конечно, играть с Грегори я готова хоть десять ролей, но каково будет Мелу? К тому же Пек отнюдь не увальень, каким Безухов описан у Толстого. Я удивлялась: зачем отходить от авторского текста, если у самого писателя, кажется, даже насморк героев описан с точностью до одного чихания!

Мел снисходительно улыбался, позволяя Лаурентису самому объяснять глупышке разницу между романом и кино. Да, в книге автор мог позволить героям многое, что невозможно не только показать, но и допустить на экране. Зрители не простят Наташе Ростовой смены красивого, мужественного князя Андрея на увальня Пьера Безухова, неважно, что эта замена происходит после смерти князя Андрея. Хорошая героиня должна страдать до конца жизни, а если уж влюбляться в другого, то только в супергероя.

Конечно, на роль супергероя Грегори подходил безусловно, но я боялась, что он совсем заслонит собой Мела и ничего хорошего не получится. Феррера не заслонили, но ничего хорошего все равно не получилось.

После нескольких проб разных актеров на роль Пьера Безухова утвердили Генри Фонду. Генри – прекрасный актер, но Пьер слишком сложная роль, чтобы ее играть, Пьером надо быть и жить. И уж конечно, должно быть не четыре месяца сумасшедших съемок, а год подготовки. Но мы снимали всего два летних месяца и два осенних. Это слишком мало для фильма такого объема и такой глубины.

Позже его сняли сами русские, и как сняли! Серж Бондарчук не торопился и не втискивал огромный сложный роман в три часа экранного времени, не заставлял бегом снимать самые важные сцены, а Пьера Безухова сыграл сам, и верно сделал. Они получили «Оскара», и получили справедливо.

Мы получили только сдержанные отзывы критики по поводу масштабности проекта, красивых сцен и хорошенькой Наташи Ростовой, у которой, правда, слишком тощие ключицы. Генри в роли Пьера ругали за угрюмость и подавленность, а Мела в роли князя Андрея – за совершенную бесстрастность. Феррер играл очень умело, но действительно отстраненно, он

просто выполнял свою роль, произнося слова и делая нужные движения. Сомневаюсь, что восторженная Наташа Ростова могла влюбиться в такого холодного князя Андрея.

Я пыталась что-то говорить Мелу, но он в ответ злился:

– Я знаю свою роль и знаю, как надо играть. Думай о своей.

Между нами пробежал первый холодок, было заметно, что Мел злится из-за моих попыток вмешиваться в его игру, ведь до сих пор таким правом обладал только он. Муж, видно, решил, что я начала зазнаваться и завышать себе цену. А я пыталась объяснить:

– Мел, чтобы получилось по-настоящему, нужно по-настоящему чувствовать...

Он фыркал:

– Так может говорить только неопытная статистка. Если чувствовать все, что играешь, превратишься, как ты после «Ундины», в сущий скелет на грани душевного срыва. Актеры должны уметь играть, понимаешь, играть страсть, а не поддаваться ей.

– Но ведь тогда получается фальшиво...

Я обожала своего Мела, но не могла не признать, что у него получалось пусть не фальшиво, но совершенно холодно, это заметно испортило роль князя Андрея. Актер в русском фильме тоже был сдержан и почти холоден, но лишь внешне, в его глазах читались внутренние переживания, и наружная холодность при этом только придавала внутренней игре вес. Почему это не удалось Мелу? Наверное, потому, что он не желал переживать и внутренне, он лишь играл чувства.

Работа была тяжелой не из-за мучений в теплой одежде во время летней жары в Италии, не из-за множества физически трудных сцен, не из-за необходимости ездить на лошади, чего я раньше не умела, не из-за бесконечных и весьма спешных дублей масштабных сцен, а из-за какой-то пустоты... Не было жизни в картине, были только съемки и следование сюжету. Рядом со мной бесстрастно изображал любовь Мел и хмурился Генри, и попытки оживить их с помощью восторгов Наташи делали ее образ несколько глуповатым.

Мне очень нравится русская литература, при этом я прекрасно понимаю, что читать, например, лучшие произведения Тургенева нужно на русском, Толстого тоже. При переводах теряется очень многое. Когда слушаешь, как читают произведения на русском, те, кто владеет языком свободно, кажется, что они поют. Русский язык очень сложный, я пыталась брать уроки, но для этого нужно слишком много времени. Это то, чего я так и не успела в жизни, а жаль...

Я смотрела русский вариант «Войны и мира» и чуть не плакала, там было все: музыка речи, музыка чувств, музыка души... Приятно, что актриса, играющая Наташу Ростову, похожа на меня, значит, даже русские решили, что Наташа должна быть именно такой. Но она действительно менялась в фильме, а я оставалась такой же.

У меня были два фильма, в которых я могла выполнить работу на «Оскара», но не сделала ее: «Война и мир» и «Моя прекрасная леди». Когда мне пытались выразить сочувствие по поводу предвзятости чиновников, я только пожимала плечами: их вины тут нет, просто я сыграла недостаточно хорошо. А ведь какие роли... Это называется упущенными возможностями.

У моей приятельницы Дорис Клайнер был муж Юл Бриннер. Прожили они вместе не так долго, но я многое подметила. Собственно, в немалой степени под их влиянием мы пытались найти место для жизни в Швейцарии, а не в Англии или США. У Юла было роскошное поместье недалеко от Женевы. Поженились Дорис и Юл прямо на съемочной площадке «Великолепной семерки», той самой, что превратила уже популярного после фильма «Король и я» Бриннера в настоящую икону вестернов, одного из самых обожаемых актеров Америки.

У Юла весьма своеобразная (к сожалению, была, его уже нет на свете) внешность. В пьесе и фильме «Король и я» он играл сиамского короля в парике из длинных черных волос, в про-

тивовес этому в новом фильме его любовница Марлен Дитрих убедила побриться наголо, в результате получилась та самая внешность, которую знает вся Америка – ковбой Криса, главного из «Великолепной семерки». Но не бритый череп и даже не прекрасные физические данные привлекали к нему поклонников. Каждый, кто оказывался рядом, неизменно попадал под обаяние пронзительных глаз и заволаживающего голоса.

Я сама много раз слушала его пластинку «Мы цыгане», которую Бриннер выпустил вместе с другом Алешей. Что-то было во всем его облике, в голосе, в исходившей от него силе такое, что говорило о мятущейся душе. Юлу удавалось все, чем бы он ни занимался: его сиамский король оказался оскароносным; любая роль, которую играл Бриннер, принималась с восторгом, даже если фильм был откровенно слабым; у Юла были любовницами самые красивые актрисы – Марлен Дитрих и Ингрид Бергман; женился он несколько раз, имел все, чего только мог пожелать мужчина. А вот спокойствия в душе не было.

Почему? Объяснила София:

– Юл – русский, а у них не бывает спокойных душ, всегда нужно что-то еще.

Постепенно я поняла, что это «что-то» не в материальном, душа Бриннера страдала от неустребованности. Снимаясь в роли Мити в «Братьях Карамазовых», он криком кричал на площадке, требуя сменить актрису, игравшую его любимую. Бриннер просто не мог выносить половинчатой игры, он выкладывался полностью. К сожалению, ни в Голливуде, ни в Европе такой накал оказался не нужен, он не добавлял фильмам кассовости.

О Бриннере я не раз вспоминала на съемках «Войны и мира». Для Юла там не было роли, но сам подход к делу, горение и полная отдача очень пригодились бы. Но их не было. «Война и мир» фильм красочный, масштабный, он благосклонно был принят зрителями Америки и Европы, но не более. Когда вышел русский вариант, глядя на игру их актеров, я видела Бриннера даже в спокойном князе Андрее, в странноватом Пьере Безухове, в юной Наташе была та же мятущаяся душа. Нам никогда не постичь этого.

Уже на премьере было понятно, что ни звездный состав, ни масштабность съемок, ни огромные затраченные средства фильм не спасли, наспех сделанная эпопея понравиться ни зрителям, ни кинокритикам не могла, с этим приходилось согласиться. Наша троица – Генри, Мел и я – на афишах людей в кинотеатры не привлекла и переживать из-за сложности любви русских во время нашествия Наполеона не заставила. Загадочные русские так и остались загадочными. Фильм не стал ни кассовым, ни даже просто популярным, как только закончилась грандиозная рекламная кампания киностудии, о нем благополучно забыли.

Наши с Мелом отношения эта работа несколько охладила. Я была в отчаянье: неужели съемки способны помешать нашему счастью? Если дело обстоит так, то я вполне согласна принести в жертву семейному счастью славу и успех, семья важнее. Мел так не думал, я для него существовала не только как жена, но и как партнер по съемочной площадке, а главное, как точка приложения его неумной энергии. Меня всегда поражало, почему у Феррера, буквально бурлившего идеями, сгоравшего от желания осуществить множество безумных проектов, эта же энергия не выходит в ролях. Куда она девается? Почему, когда надо страдать или восторгаться перед камерой или на сцене, Феррер становится ледышкой, от которой замерзают все, от партнеров до зрителей? Неужели энергия сгорает, не успев примениться?

Мел с увлечением и охотой брался за какой-то очередной проект, вкладывал в него безумное количество сил, но словно остывал, не успев осуществить. Сколько раз я наблюдала, как блестящая задумка превращалась ни во что именно из-за душевной усталости Феррера, он загорался новым проектом, а старый завершал кое-как. В результате ни единой успешной роли, кроме разве кукольника в «Лили», в которой я его и увидела, ни единого фильма, ни единого проекта.

Самому Мелу почему-то нравилась такая жизнь, он и по сей день придумывает, начинает и доделывает спустя рукава, будучи полностью захвачен следующей идеей. В результате тускло,

бездушно, неинтересно. Наверное, Феррер получает удовольствие от самих грандиозных планов, а не от их воплощения. Если так, то надо останавливаться на стадии планирования, просто продавать разработанные планы другим, они хоть воплотят талантливо, а не скомкают на полпути.

Но это дело Феррера, а не мое, он никогда не любил, чтобы я вмешивалась в его дела, даже советовать не позволял, в то же время сам просто диктовал мне все в моей жизни.

«Забавная мордашка» Как станцевать с Фредом Астером

Это было то, чего мне не хватало, – мюзикл! Снова сказка о Золушке, которой после мрачноватого книжного магазина, забитого книгами по философии, выпало вдруг стать лицом известнейшего журнала мод. Джо Стоктон и не помышляла о такой работе, считая модные журналы вредными для интеллектуального развития умов, когда магазин неожиданно стал декорацией съемок экстравагантных моделей, а она сама попала на глаза фотографу Дикку Эйвери.

Необычная «забавная мордашка» героини показалась Дикку подходящей для нового лица, он сумел убедить в этом владелицу журнала, и Джо отправилась вместе со съемочной группой в Париж. Продавщицу заумных трактатов в Париж манила возможность посетить лекцию обожаемого ею профессора философии.

Благодаря роскошным нарядам и макияжу Джо мгновенно превратилась просто в красавицу, у них с Диком вспыхнуло взаимное чувство, а профессор философии, попасть на лекцию которого Джо мечтала несколько лет, оказался заурядным любителем хорошеньких женщин. Показ коллекции в исполнении Джо, конечно, прошел исключительно успешно, и они с Диком поняли, что бороться со своими чувствами ни к чему.

Обычная голливудская сказка со счастливым концом, но в этом фильме главной была возможность играть и танцевать с Фредом Астером, а еще демонстрировать модели моего обожаемого Юбера Живанши. Красиво, музыкально, счастливо... Как раз то, чего уже давно жаждало мое сердце.

Кто из женщин не мечтал станцевать с великолепным Фредом Астером? Наверное, только те, кто вообще не знает, кто это такой. А демонстрировать наряды Юбера Живанши? Те, кто пока в пленках, а модели пеленок Юбер не создает.

Продюсеры немного обманули нас с Фредом, мне сказали, что Астер уже дал согласие на участие в съемках, надеясь, что я тут же соглашусь тоже. А самому Фреду это же сказали обо мне. Оказывается, Фред давно хотел сняться со мной, и это сыграло свою роль. Мой агент Курт Фрингс объявил, что сценарий пустой и фильм будет таким же, а я согласилась.

Современная сказка, Фред Астер в качестве влюбленного в меня фотографа, наряды Живанши, музыка Гершвина, натурные съемки в Париже... Что могло быть прекрасней? Но в каждой бочке меда есть своя ложка дегтя. В «Забавной мордашке» их оказалось несколько. В Голливуд я отправилась одна, у Мела в Париже шли съемки фильма с Ингрид Бергман. Я так привыкла быть рядом с мужем каждую минуту, что первое время невыносимо скучала, тем более что работа над «Забавной мордашкой» началась только через месяц.

Мы с Фредом Астером очень хотели сняться вместе, а когда это произошло, так старались угодить друг дружке, что чуть все не испортили. Я очень боялась не соответствовать гениальному Астеру, а он боялся не соответствовать... моей молодости. Астер настолько пластичен и заразителен, что мог бы станцевать, кажется, даже на самой верхушке Эйфелевой башни, ведь танцевал же он на стенах и потолке в великолепном фильме «Королевская свадьба», который, как и «Забавную мордашку», снимал Стэнли Донен.

Конечно, коронными кадрами должны стать танцы с Фредом, но все почему-то сосредотачивалось на Золушке из книжного магазина. Во время съемок Астеру исполнилось пятьдесят семь лет (если я не путаю), он на тридцать лет старше меня, хотя вовсе не выглядел таковым, это не Богарт. Фред доброжелателен, интеллигентен и просто заряжен сумасшедшей энергией, не выплескивающейся, однако, как у Софии Лорен, через край, но разливающейся вокруг добрым светом.

Но Астеру очень мешала боязнь выглядеть старым, много старше меня. Это заставляло его быть со всеми, в том числе и со мной, резковатым, иногда до некоторой грубости. Вся съе-

мочная группа обожала Фреда и его возраст не замечала вовсе, мы даже не догадывались, что именно его мучает, наоборот, казалось, все недовольство великого актера из-за недостаточно хорошей игры партнеров. Надо ли говорить, как переживала я...

Режиссер Стэнли Донен почти не делал мне замечаний, просто объяснял, что именно должна чувствовать героиня в момент съемки, и пускал остальное на самотек, доверяя моему состоянию. А вот Астер не раз раздраженно останавливал съемку, когда ему казалось, что я фальшивлю. Я страшно боялась и от этого фальшивила еще сильнее, в тысячный раз вспоминая Грегори Пека, который в случае неудачи смеялся:

– Не бойся, у Уайлера в запасе еще десяток дублей.

Но тогда я была никем, начинающая актриса, у которой ни одного известного фильма за плечами, теперь я имела «Оскара» и опыт работы в известных картинах у известных режиссеров, это накладывало определенные обязательства. Считалось, что я должна сыграть с первого дубля совершенно точно и правдиво и повторять так все двадцать раз подряд. Это не всегда удавалось. Кэй Томпсон, по роли главный редактор журнала, из-за идей которой все в фильме и заварилось, успокаивала меня:

– Одри, он просто очень хочет тебе понравиться.

– Кто?!

– Фред. Разве ты не видишь, что он переживает из-за своего возраста, боясь показаться папашей рядом с хорошенькой молодой дочкой?

Может, так и было, но я невольно пожаловалась, что мне трудно играть с гениальным Астером. Вообще-то жаловаться совсем не хотелось, я во всем винила себя, считая, что это я неумеха и плохо справляюсь с ролью. Астер держался от труппы чуть на расстоянии, иногда, поджидая начала съемок, мы сидели, пили кофе, рассказывали забавные истории, просто болтали, но стоило появиться Фреду, как веселье стихало, по утрам он бывал раздражен. Мне казалось, что это из-за меня, очень хотелось подойти и просто попросить прощения.

Зато как я отводила душу в тех сценах, где мне не нужно выдерживать строгий взгляд великого Астера! Особенно в сценах с танцами. Мы поставили грандиозный танцевальный номер в парижском кафе. Конечно, снимали не в Париже, а на студии, но мне очень нравилось выплясывать бог весть что, будучи одетой в облегающий черный свитер и черные лосины. Казалось, черный силуэт как нельзя лучше передаст остроту движений.

Номер отменно отрепетировали, я радовалась, потому что танцы давались легко, сказывалась балетная подготовка. Но когда пришлось сниматься, вдруг возник спор со Стэнли Доненом. Режиссер потребовал, чтобы я к черному свитеру, черным лосинам и черным балетным тапочкам надела... белые носки! Я возмутилась:

– Ни за что! Я так стараюсь подчеркнуть достоинства черного силуэта, а вы... К тому же это зрительно укоротит мои ноги.

Донен спокойно пожал плечами:

– Ваши ноги достаточно длинны, чтобы этого не бояться, а без белых носков вы просто сольетесь с фоном, и никто ничего не увидит.

Я пыталась настаивать, Стэнли все так же спокойно заметил:

– Здесь режиссер я.

Это показалось очень обидным, я разревелась и бросилась в свою гримерку. Но, чуть успокоившись, подумала, что режиссер действительно он, к тому же его право снять сцену с белыми носками, а когда не получится, мы переснимем по-моему. По-моему не вышло, Донен оказался прав, без белых носков мои ноги просто потерялись бы на темном фоне кафе, а так глаза вынужденно следили за движением белых пятен на экране, привлекая внимание к ногам и вовсе отвлекая его от моей костлявой фигуры. Было очень стыдно за свое упорство

и несдержанность, пришлось отправить Стэнли Донену записку с извинениями и признанием его правоты.

Режиссер даже не вспомнил о моей строптивости. Он прав: когда точно знаешь, как лучше, актера нужно просто заставить выполнить требование и показать результат. К сожалению, не у всех режиссеров достает терпения учить строптивых актрис именно таким способом.

К сожалению, нас не баловала погода. Дождь в Париже, конечно, не редкость, но не каждый же день, к тому же мелкий и нудный. Мы просто сидели и ждали, когда наконец тучи хоть чуть-чуть разойдутся, чтобы можно было выйти в парк Тюильри на совершенно мокрую траву и делать вид, что тепло и сухо.

Дождь... дождь... дождь... Астер ненавидел его, а потому настроение актера портилось, он мрачнел, хмурились и все вокруг. Зонтики в сцене съемок с воздушными шариками вовсе не дань режиссерской выдумке, а суровая необходимость, как и наши бесконечные плащи во время прогулок по улицам Парижа. Я невольно вспоминала страшную жару в Риме во время «Каникул» или то, как мы умирали от духоты в шубах на съемках «Войны и мира» летом предыдущего года.

Такова актерская судьба – играть лето в разгар морозов и зиму в жару, не покрываться пупырышками на ледяном ветру, делая вид, что млеешь на жарком солнышке, и не потеть под горячими софитами в студийной июльской духоте.

В Париж на съемки приехала мама, ей очень хотелось посмотреть, что такое киносъемки. Маме не понравилось, хотя она подружилась с Леонардом Гершем – автором «Мордашки». Тот с удовольствием общался с баронессой ван Хеестра, показывал ей город таким, как видел его сам, не позволял скучать. Но по поводу съемочной площадки мама сказала, что большего бедлама никогда не видела и просто не понимает, как из этого беспорядка вообще может родиться что-то путное.

Мама дала интервью, выглядела при этом важно и много философствовала. Ей явно понравилось быть матерью известной личности, мама предпочла общение с журналистами и поездки по Парижу вместе с Гершем пребыванию на съемочной площадке. Я только радовалась, потому что чувствовать еще и критический взгляд своей мамы, когда и без того страшно переживаешь из-за собственного несоответствия уровню Фреда Астера, слишком большая нагрузка.

В фильме есть сцена, когда я в красном платье с воздушным шарфом в руках бегу по лестнице, раскидывая руки, словно Ника – богиня победы. Это был нелегкий момент, потому что бежать приходилось не глядя, выражая восторг, и я очень боялась упасть и попросту свернуть шею. Нет, бегать я умею, вернее, умела, теперь уже нет – из-за болезни. Но не стоит о грустном, тогда я бежала дубль за дублем...

Проблема заключалась не только в невозможности смотреть под ноги, но и в том, что я была обута в туфли на высоком каблуке. Просто балетки к такому платью не подходили совсем, пришлось заказывать Феррагамо высокий каблук.

О Сальваторе Феррагамо, обувавшем все наши ножки в Голливуде и не только, нужно сказать отдельно. Это лучший мастер не только по моему мнению, но по всеобщему. Обувать столько звезд и при этом угодить каждой... У него существовали деревянные колодки под каждую ножку клиенток, потому можно было не беспокоиться о примерках, любая обувь садилась по ноге как влитая, нигде не жало, не давило, не терло.

Знаете, как сам Феррагамо определял своих клиенток? Золушки, Венеры и Аристократки! Причем делил нас согласно... размеру стопы, совершенно серьезно утверждая, что именно она показатель натуры женщины, мол, как бы ни пряталась актриса за своим экранным

образом, только увидев ее ножку, он сразу расскажет о ее предпочтениях. По-моему, еще никто не догадывался делить женщин именно по такому признаку.

Сальваторе говорил, что Золушки – это те, у кого ножка маленькая, они очень женственны и большие любительницы мехов и драгоценностей. Потому для Золушек в оформлении их туфелек применимы стразы, перышки и всякая дорогая всячина. Венеры – женщины со стопой средней длины, такие красивы, очень взыскательны, обаятельны, но противоречивы, им лучше создавать модели изящные, но простые, без особой вычурности. И третий тип – Аристократки – женщины с большой стопой. Аристократки чувствительны и благородны.

Можете проверить правильность оценки Феррагамо. К Золушкам относились Ава Гарднер, Мэри Пикфорд, Эвита Перрон, Джина Лоллобриджида... К Венерам – королева Елизавета, Анна Павлова, Ева Браун... К Аристократкам – Ингрид Бергман, Грета Гарбо, мы с Кэтрин Хепберн...

Сальваторе Феррагамо – обувщик от Бога, так же как Юбер Живанши от Бога модельер. Бежать по лестнице я должна в платье от Живанши и в туфельках от Феррагамо! Да еще и перед фотоаппаратом, который был в руках у Фреда Астера. Вообще-то фотографии делал Ричард Эйвдон, замечательный фотограф, прообраз героя, которого играл Астер. Туфельки Феррагамо с моих ног не свалились, а умница Эйвдон сумел сделать удачный кадр с первой попытки.

Вообще, в фильме было много минут, когда мы откровенно боялись, что ничего не выйдет. Танцевать под дождем, который просто преследовал нас в Париже, и одновременно петь – невозможно, конечно, все песни записывались отдельно, но в кадре нужно было четко попадать движением губ в запись. Я научилась не сразу. Мало того, певица из меня не слишком хорошая, голос не сильный, да и фальшивила частенько. Пока фальшивила одна, еще куда ни шло, но когда начались записи с оркестром, а потом и втроем с Фредом Астером и Кэй Томпсон, от волнения я исполняла еще хуже.

Конечно, сначала шли репетиции, репетиции и еще раз репетиции. Все прорабатывалось по отдельности, оттачивалось, отшлифовывалось, потом соединялось вместе, снова отрабатывалось и отшлифовывалось... Фред не только танцевал, он и пел великолепно, а вот я то и дело пропускала ноту, а волнуясь, делала только хуже. Однажды Астер схитрил, он не прервал пение, хотя прекрасно расслышал мое вранье, но через пару тактов совершенно намеренно взял неверную ноту и остановился:

– Извини, Одри, я промазал.

Все всё слышали и поняли, но я вдруг почувствовала защиту, словно играла со своим любимым Грегори Пеком. Фред Астер тоже умел прощать неопытность. Стало легко, напряжение спало, и, успокоившись, я больше не фальшивила.

Безобразно портила съемки погода, нудный каждодневный дождь мог вывести из себя кого угодно, а нам приходилось делать вид, что все прекрасно, счастливо и весело. Позже нас спрашивали, зачем мы показали Париж в дожде. Да не было у нас тогда другого Парижа! Мы и сами очень хотели бы солнышка, особенно в парке Тюильри. Я вздыхала:

– Двадцать лет мечтать станцевать с Фредом Астером и делать это в луже грязи!

Действительно, мы пользовались малейшим просветом в облаках, чтобы начинать съемки. Трава была мокрой, ноги бесконечно за что-то цеплялись, из-за угрозы поскользнуться и растянуться во весь рост мы становились неуклюжими. Мел решил бы этот вопрос просто: построил Тюильри в павильоне и позволил танцевать вообще где-нибудь на площадке для танцев. Но Стэнли Донен сторонник натуральных съемок.

Позже мы с Феррером снимали в павильоне даже девственные джунгли Амазонки, правда, они и выглядели искусственными, искусственный фильм и искусственная жизнь на

экране. Нет, Стэнли прав, он, как и я, считает, что все должно быть настоящим, и дождь тоже. Хотя однажды ему пришлось посреди совершенно мокрого Парижа приказать рабочим... поливать нас из шланга! Смешно, но нам нужно было доснять вчерашнюю сцену с весьма дождливой погодой, а в тот день, как назло, было ветрено и сыро, но дождь не шел. И мы, столько страдавшие от ежедневных осадков и получившие коротенький перерыв в потоках с неба, оказались вынуждены стоять под искусственным дождем. Чего только не бывает на съемочной площадке...

Выражению лица у Стэнли Донена, когда он наблюдал, как нас в единственный почти сухой день поливали из шланга, мог бы позавидовать Хичкок, такого мрачного садистского удовлетворения я никогда не видела. Конечно, стоило режиссеру произнести: «Стоп! Снято!», осветителям выключить софиты, а рабочим свернуть шланги, как дождь пошел сам по себе. Один из рабочих усмехнулся:

– И чего поливали, подождали бы часа три, вон он сам пошел...

Как ему объяснить, что три часа для съемок в очень людном месте Парижа удовольствие слишком дорогостоящее. График съемок расписан по минутам, потому что закрыть, например, Эйфелеву башню, чтобы мы могли беспрепятственно потанцевать на ее площадке, требует, кроме денег, и тысячу согласований. Натурные съемки, особенно в популярных у туристов местах, всегда сложны и очень коротки. Сейчас научились все делать на фоне картинки на экране позади или в студийных декорациях. Там фильтр, там немного тумана, там подкрасить, там подправить, и получится нечто похожее на Эйфелеву башню, на сад Тюильри, на Париж, Лондон, Нью-Йорк, даже дикие джунгли. Или вообще снимают на белом фоне, а картинку добавляют уже при монтаже.

Но в те времена еще снимали на натуре, и Эйфелева башня была настоящей. Как настоящей была лодка, в которой мы плыли по реке в Конго, полной бегемотов, настоящими – рынок, вокзал, люди в массовке, когда мы снимали «Историю монахини». Я бы не смогла играть наездницу, сидя на деревянной лошадке (настоящую подрисуют), не смогла бы изображать восторг от нарисованного на полотне Рима, как радовалась настоящему. Наверное, я устарела для современного кино. Но мне все равно нравится то прежнее, настоящее, со вкусом мороженого в маленьком рожке, с визгом шарахавшихся от мотороллеров прохожих, даже с огромными пауками в Конго. Там можно жить ролью, а не изображать жизнь.

Фильм удался, он получился веселым, в меру легким, неглупым и имел успех. Конечно, за такие фильмы не дают «Оскаров», но их очень любят зрители. Мне не удалось стать примой в балете, но я станцевала у подножия Эйфелевой башни и на площадях Парижа с Фредом Астером! Ради одного этого стоило учиться танцу в оккупированном Арнеме или мучиться от собственного несовершенства у мадам Рамбер в Лондоне.

Интересно, видела ли мадам этот фильм? А если видела, поняла ли, кто именно танцует? И что бы она сказала из-за несовершенства движений? Боюсь, замечания были бы не слишком лестными для меня, мадам всегда отличалась строгостью и нелестными выражениями.

Очень хочется подвигаться так же легко, как в фильме, но я уже ничего не могу, мое время ушло. Сегодня подумала, что, не пройди я тяжелейшую школу сначала в Арнеме, а потом в местах бедствий, куда пять лет ездила вместе с Робом в качестве посла доброй воли ЮНИСЕФ, я не смогла бы вот так спокойно принимать конец собственной жизни. Когда видишь столько мучительных смертей других людей и их удивительное мужество, начинаешь понимать, что собственные проблемы не так уж велики.

А еще, конечно, роль сестры Люк в «Истории монахини» и общение с такими замечательными, божественными женщинами, как Кэти Халм и Мария Луиза Хабетс, а также Фред Циннеман, его супруга Рене и все-все, с кем мы создавали удивительный фильм – «Историю монахини».

«История монахини» Мое собственное перерождение

Этот фильм не похож ни на какой другой из тех, в которых я снималась, а роль сестры Люк ни на какую мою роль, кроме самой последней, той, которую я играла последние (теперь я уже это знаю) пять лет моей жизни, будучи послом доброй воли ЮНИСЕФ.

Я так и не поняла, почему Ингрид Бергман пришло в голову предложить сыграть роль монахини мне с моей «Забавной мордашкой» после того, как я с увлечением танцевала с Фредом Астером и распевала «Бонжур, Париж!»... Режиссер фильма Фред Циннеман сказал, что он видел во всех моих ролях прежде всего глаза.

Конечно, я слышала о романе Кэтрин Халм «История монахини», но не удосужилась его прочесть. Когда Курт Фрингс сообщил о нем на что не похожем предложении, попросила прислать книгу. В это время мы с Мелом были в Мехико, где он ради заработка снимался в очередной пустышке. После провала телевизионного фильма «Майерлинг», в котором мы совершенно бесстрастно изображали горячую любовь друг к другу, было решено больше не играть вместе, потому я маялась от безделья, пока Мел работал.

Многочисленные предложения ролей и просьбы об интервью были, но мой агент по связи с общественностью Генри Роджерс получил твердые указания вежливо отказываться от любых интервью, а Курт Фрингс – от ролей разного рода нимф, очаровывающих взрослых мужчин. Надоело изображать Золушек, хотелось серьезной работы. И вот ее предложили.

В основу романа Кэтрин Халм легла подлинная история Марии Луизы Хабетс, пронзительная история духовных поисков и стремления быть полезной людям. Дочь знаменитого хирурга, Мария вступила в религиозный орден и приняла постриг под именем сестры Люк, чтобы работать в лечебнице. Ей очень хотелось отправиться помогать людям в Конго, но сначала пришлось работать в психиатрической лечебнице ордена. Только после такого послушания она была направлена в африканскую колонию Бельгии. В Бельгийском Конго сестра Люк провела почти девять лет, помогая детям и больным проказой.

После стольких лет служения людям независимо от их статуса и характера сестре Люк, казалось бы, ничего не страшно, но жизнь предлагает человеку такие загадки, разрешить которые иногда очень трудно. Вернувшись в Бельгию, во время Второй мировой войны сестра Люк активно сотрудничала с бельгийским Сопротивлением, только вот помогать раненым фашистам, как полагалось монахине, не смогла. Для сестры Люк это оказалось не под силу, и она приняла решение снять монашеский сан, предпочитая просто работать медсестрой.

Прочитав роман, я поняла, что Курт нашел именно то, что мне нужно, – фильм о духовном поиске. Сценарий по книге Кэйт Халм писал Роберт Андерсон, который работал и над «Ундиной». О Роберте надо сказать отдельно, но не потому, что у нас разгорелся настоящий роман, а потому, что его судьба весьма поучительна.

Андерсон весьма успешный драматург и сценарист, как театральный, так и кинематографический, но его сильно подкосила смерть от рака обожаемой жены Филлис Штоль, которая была заметно старше самого Роберта, лет на десять, кажется. Три года борьбы с проклятой болезнью привели к печальному исходу. Похоронив любимую Филлис, Роберт едва сам не слез в могилу, спасла его великолепная Ингрид Бергман. Как часто женщины сильнее мужчин! У Ингрид своих проблем было просто по горло – разорившийся супруг (Роберто Росселини), который к тому же вознамерился жениться на другой, трое детей, которых надо было ставить на ноги, собственные болезни и возраст, который уже позволял играть кого угодно.

Но, узнав от своего агента Кэй Браун, которая была и агентом Андерсона, о его плачевном состоянии, Ингрид буквально вытребовала Роберта в Париж, где сама играла в его пьесе «Чай и симпатии», окружила заботой и заставила вспомнить, что он еще жив. Мог ли Роберт

не влюбиться в красавицу Ингрид, поистине ставшую для него спасательным кругом? Но когда все та же Кэй Браун предложила Андерсону написать сценарий по роману Кэти Халм «История монахини», чтобы Ингрид сыграла главную роль, Бергман отказалась, понимая, что будет выглядеть несколько тяжеловато в роли юной девушки, и предложила на роль меня.

А с Робертом поступила вполне решительно, выставив его в Америку со словами, что дальше он должен справляться сам. Роберт рассказывал, что получил от нее такое письмо:

«...Я хочу, чтобы ты научился жить один. В Париже со мной ты просто сбежишь от себя...»

Умнейшая женщина и великолепная актриса, она действительно возродила Роберта Андерсона к жизни и вытолкнула в свободное плавание.

Роберт рассказывал о том, что ему почти не пришлось переделывать саму книгу, только заменять описательные абзацы на реплики, потому что книга великолепна, и что-то переделывать – значит безнадежно все портить.

Отношения с Мелом у нас к тому времени стали просто холодными, и я очень нуждалась в понимании и обыкновенной мужской любви. Мне предложили приехать в Голливуд, чтобы встретиться с Андерсоном, Циннеманом, продюсером фильма Бланком и автором самой книги Кэйт Халм. Кроме того, оказалось, что в Лос-Анджелесе вместе с Кэйт жила и Мария Луиза Хабетс – прообраз самой сестры Люк! Встречаться с ней я почему-то боялась.

Роберт встретил меня в аэропорту, у нас действительно состоялся настоящий роман, во время которого были забыты все правила приличия и Мел Феррер. Андерсон откровенно рассказал обо всем в романе «После», чем я была очень недовольна. Я сама быстро поняла, что вся его страсть – скорее порождение одиночества, чем настоящая любовь ко мне. Да, мы любили друг друга, но не настолько, чтобы бросить все и укрыться от людей, например, в дебрях Конго. Наверное, будь у нас с Мелом ребенок, я никогда не решилась бы на такой роман, но Шона тогда еще не было... А Феррер был далеко, он в дебрях Амазонки выбирал натуру для съемок «Зеленых предместий», в которых должен был как режиссер снимать меня в главной роли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.